

ОКНО № 11

АЛЬМАНАХ
ГИМНАЗИИ №4 (88)

Издательство «ОКАРИНА»
Новосибирск 2015

«Окно» №11 – очередной альманах литературного объединения МБОУ Гимназия №4 (88) города Новосибирска. В книге шесть разделов:

«Дебют» (творчество младших участников ЛИТО – 5 класс),

«Амплуа» (произведения более опытных авторов – 6–10 класс – в разных жанрах),

«Импульс» (сочинения на заданную тему, плоды литературных игр, коллективные работы),

«Здесь были мы» (стихи и проза выпускников этого года),

«Суаре» (творчество взрослых гостей гимназии – выпускников прошлых лет),

«Околесица» (литературные парадоксы, шутки, пародии, стилизации).

Среди представленных в альманахе авторов – победители, лауреаты и дипломанты различных литературных конкурсов: Андриюшкевич Алиса, Иващенко Дарья, Константинова Мария, Локтина Наталья, Маняхин Петр, Миронов Ольга, Митин Андрей, Романенко Степан, Сазонова Александра, Сидоров Севастьян, Тычинская Елена.

Работы некоторых авторов: Иващенко Дарья, Константиновой Марии, Маняхина Петра, Сидорова Севастьяна – опубликованы и в других изданиях.

© Авторы сочинений, 2015:

Березин Вячеслав, Карпенко Олеся, Новикова Анна, Новоселова Ульяна,
Тульская Дарья, Андриюшкевич Алиса, Братухина Дарья,
Власова Полина, Иващенко Дарья, Локтина Наталья, Митин Андрей,
Папин Федор, Сидоров Севастьян, Фетисов Александр, Маняхин Пётр,
Миронова Ольга, Сазонова Александра, Скачков Максим,
Тычинская Елена, Романенко Степан, Константинова Мария,

© Издательство «Окарина», 2015

Предисловие

Вы открыли «Окно». Здравствуйте! Хотите вместе с нами прогуляться по крыше или постоять босыми ногами на росистой траве? Хотите – полетим в фиолетовую небесную дымку или проберемся в чужую сказку? Это все вполне возможно, ведь за обложкой «Окна» – дети – создатели разноцветного необыкновенного мира, художники, музыканты, писатели.

В этом году выпускаются из школы ребята одиннадцатых классов – четвертая волна ЛИТО «Окно», уникальные люди: талантливые, своеобразные, глубокие, способные слушать и чувствовать других, готовые помочь и взять ответственность на себя. Они многому нас научили: читать мудрые книги, думать о прошлом и будущем, бродить по осенним листьям, придумывать дерзкие рифмы, смеяться до слез и не стыдиться слез, молчать со смыслом и говорить о главном. Благодаря им наше «Окно» стало известно всему городу. С ними мы писали, читали и пели свою песню:

*И отражается весна в моем окне –
«И пробуждается поэзия во мне»*

Настало время –	Сердца, как окна,
Откроем окна:	Ветрам навстречу
Вот солнце	Раскроем.
Лукавым оком	И в речке речи
Глянет и залюбуется	Слово переливается.
На томик Блока,	Приходит вечер,
На это яблоко, на лица.	В тетрадках строки как
А в небе облако-птица.	дорожки.
А снизу – улица.	И наше чудо-окошко
	Не закрывается.

От лица всех авторов и родителей выражаю признательность Пивоварову Сергею Юльевичу и Иващенко Надежде Павловне, благодаря которым эта книга увидела свет, за понимание и поддержку.

Руководитель ЛИТО «Окно» Дмитриева Надежда Юрьевна

Дебют

Вместо предисловия

Облака и фиалки

На окне стоял горшок с фиалками, а за окном плыли облака. Ребенок отодвинул учебник и поболтал ногами, глядя куда-то вверх. «Красиво, – решил он. – Солнце заходит, и облака совсем сиреневые, а фиалки густо-густо-лиловые, будто целую сотню таких облаков зачихали в одну фиалку».

И цветы вместе с лучиками плыли, смазывались, превращаясь в буквы – только успевай записывать. Скоро целая тетрадная страница заполнилась синими весело подпрыгивающими буквами.

— Это не очень получилось, наверное... – мялся Ребенок, показывая тетрадку друзьям. – Глупость какая-то...

В тетрадке было написано про облака и фиалки, а еще про учебники и солнце, и про струящиеся легкие занавески, и про теплый деревянный стол... Дети улыбались, читая их, пока Ребенок мучительно ерзал на стуле. Понравится ли? Или он и правда написал глупость? Вот еще выдумал – цветы из облаков!

— Это же здорово!

— Так красиво!

И сотня облаков, подсвеченная сотней золотых лучиков, загорелась в голубых глазах Ребенка.

Тычинская Елена

Березин Вячеслав
11 лет

*Сел на травку – вижу вдруг:
По земле бежит паук!*

*Пальцем я толкнул букашку:
– Убегай обратно в лес!
А паук-то – под рубашку
Взял – и быстренько залез!*

*Бегает, щекочет –
Уходить не хочет!*

Колобок в чужой сказке

Однажды отправился Колобок в сказку про Кощея Бессмертного.

Идёт по дороге Колобок, идёт, а навстречу ему Заяц.

— Колобок-Колобок, куда идёшь?

— Да вот, иду к Кощею Бессмертному, Ивану-Царевичу помогать!

Идёт Колобок дальше, а навстречу ему Медведь.

— Колобок-Колобок, куда идёшь?

— Иду к Кощею Бессмертному, Ивану-Царевичу помогать.

Идёт всё Колобок, идёт, и вот на горизонте уже замок Кощея виднеется.

Подошёл Колобок к замку, а ему навстречу сам Кощей выходит.

Увидел он Колобка и спрашивает:

— Что, Колобок, жить надоело? Я сейчас тебя сгрызу, как орех! Полезай ко мне в рот!

— Не ешь меня, я тебе песенку спою!

— Хорошо, пой свою песенку, только меня не обманешь, я тебя всё равно съем!

Запел Колобок свою песенку, а Кощей заслушался! А тем временем Иван-Царевич, который незаметно пробрался в палаты, нашёл иглу заветную и сломал её. Забился, заметался Кощей, понял, что его обманули! Да ничего не поделаешь, пришлось Кощею Бессмертному помирать!

Поехал Иван-Царевич к себе домой, а Колобок дунул волшебную дудочку и полетел в свою сказку. Может, зря?!

Конец

*Карпенко Олеся
12 лет*

*Бывают веселые дни,
Такие бессонные...
Бывают грустные они,
Такие бездонные...*

Приход ночи

Тьма надвигалась из-за сада,
Спешили люди со двора.
И только звезды ясным взглядом
Сказали, что пришла пора.

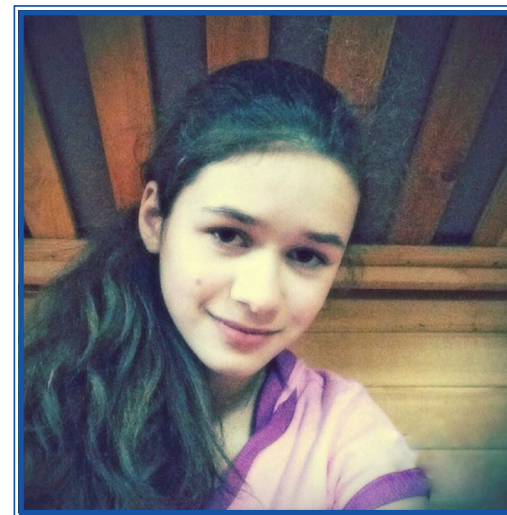
И все затихло. День ненастный
Уже совсем клонился в ночь.
И только звездный взгляд всевластный
Смог рассказать всю суть точь-в-точь.

Те очи были – правда солнца,
Что светит в пустоте ночей.
И так свободно сердце бьется
В короне огненных лучей.

Сколько лет

Сколько лет прошло с тех пор?	Подлетает лепесток
Сколько позабылось?	К облакам тем белым,
Потерял красу наш двор.	Это яблоко-цветок
Время изменилось.	Скоро станет спелым ...

Годы пролетели,	Лебеди взлетают ввысь
Будто бы мгновенья...	К небесам тем дальним.
Где-то птицы пели	Ты раскройся, улыбнись
Радости, везенья.	Ручейкам хрустальным!

Новикова Анна
12 лет

*Она была хороша собой,
И умна, и прелестна, и радостна,
Но была распята она суетой,
И жизнь ей казалось бесладостной.*

*Её друзья весело жили,
По миру летели, как стая,
Или, как рыбки, по жизни плыли,
Она же была другая.*

Природа

Природа! Как она прекрасна!
Смотрю я на её расцвет
И восклицаю громогласно:
«Я рада, что явилась в этот свет!»

Взираю я на все красоты мира,
И всё растёт уверенность во мне
И, погружаясь в необычайную земную силу,
Я постепенно приближаюсь к вышине.

Зима жизни

Зима, лежит на крышах снег,
И кажется, что длится это век.
И птицы все давно уж улетели,
Которые весной так звонко пели.

И солнце давно уже не греет,
И сердце никак не поёт,
Весною так всё и не веет,
А время идёт и идёт...

* * *

Нет в людях золотой середины,
Кто-то стремится вверх, покорить все вершины!
И нет слова «стоп» в том человеке,
Который ходит по людям, забирая их деньги и чеки.

А кто-то, отчаявшись сильно,
Потерялся в себе, и в душе стало пыльно.
И вот он, немея от горя, опускается ниже и ниже,
А тьма, беспросветность, душевная боль становятся
ближе и ближе.

И нет человека такого,
Который другом бы видел любого.
В меру талантлив, в меру способен.
Во всех ситуациях умён и удобен.

Люди лучше сделать себя не стремятся!
Делают всё, что хотят, ничего не боятся.
И ведут они жизнь, как в красивой витрине,
Потому что в них нет золотой середины!

Новоселова Ульяна
11 лет

*Кружится шар земной,
меня с собой кружа,
Не зная ничего,
беспечно продолжает путь.
И на какой-то миг,
дыханье задержав,
стою я и дрожу...*

На что деревья зимой жалуются

Сказка

Дуб самый сильный и мудрый, самый главный среди всех деревьев.

Жена дуба, красавица-берёзка жалуется на то, что её шубка из снега сделана не по последнему писку моды, да и саму шубку ворона порвала, а люди её ещё и мудрой считают, поэтому берёзке ещё целую неделю новую шубку ждать, но зато последнего писка моды, а ради этого и потерпеть можно.

Дочка берёзки, красная рябинка, жалуется, что её красивые, яркие ягодки птички едят, она же совсем облысеет, да и какая тогда красота в ней, если её ягодки съедят.

Сестра рябинки, облепиха, жалуется на то, что её ягодки опали, и она теперь совсем не яркая, да и шубка у неё реденькая, старенькая и потрёпанная, поэтому мало того, что она не яркая, так ей ещё и холодно.

А ель совсем наоборот, у неё шубка последней модели, она яркая, и метель сделала ей самую лучшую причёску во всём лесу.

А сосне и вовсе не повезло. У неё в стволе дятел дупло сделал, а там белочка поселилась и теперь бегает туда-сюда, всю кору ей исцарапала ещё и повешала на неё грибы и сушит их на ней, словно она для этого и нужна.

А клён стоит с красавицей елью по соседству, но она его так замучила болтовней, что он уже и не рад такому месту проживания.

Осина и вовсе листики потеряла и жалуется на то, что шубки у неё и совсем нет, так как на неё бесконечно садятся птицы. Её шубка из снега, между прочим, новой зимней коллекции совсем испорчена, а ждать новую целый месяц, потому что другие деревья забронировали себе такие через неделю.

У ольхи, сестры осины, опали серёжки, которые она отращивала всё лето, но её подруга-сорока прилетала к ней,

рассказывала все вести леса и была очень аккуратна с её и без того потрепанной одеждой.

Ясень, приятель облепихи, потерял все свои самолетики, а рябинка изо всех сил его утешала.

А вяз потерял свои без того невзрачные цветочки.

Кто-то любит зиму и ждёт её с нетерпением, а кто-то с нетерпением ждёт её окончания. Особенно дуб! У него книга жалоб кончается!

Тульская Дарья
11 лет

*Гуляет там по лесу ветер
Всё свищет, срывая листву.
Нагонит он тучи под вечер –
И дождик намочит траву.*

*Сверкает вдали и грохочет,
И дождик стучит – не шушит.
Да, очень уж громкая ночка
Для этой негромкой глуши!*

*К утру успокоится ветер
И солнце прогонит грозу,
И птицы взвоятся в полете,
И жизнь возродится в лесу!*

Село пробуждается

Самое раннее июньское утро, петухи в деревне ещё не проснулись. На улице слабый, сонный ветерок гуляет, чуть качая листочки берёз. Озерцо покрылось мелкой рябью, а трава по краям немного колыхнется.

И, наконец, там, вдали, показался первый луч алого солнца. Он пронзил своим светом туманную дымку.

И вдруг заголосили свою пробуждающую песню петухи. От этой песни проснулись люди. Все собираются на работу. Всех ждёт день, полный хлопот.

Вместо предисловия

* * *

Что легким бумажным корабликам снится,
Когда они дремлют страничкой тетрадной?
Над синей волной белокрылая птица
И чистого неба простор неоглядный.

Окрепнут суда парусами своими,
Пока ручейки их весенние кружат, -
И каждый получит достойное имя:
«Мечта» и «Упорство», «Надежда» и «Дружба»!

Под ветром попутным, исполнясь отваги,
Фрегаты помчат по волнам океанов.
И гордо на мачтах поднимутся флаги
Во славу ведущих их вдаль капитанов!

Н.Ю.

*Андрюшкевич Алиса
13 лет*

*Ввысь устремиться нужно,
Даже падая вечно вниз.
Или высь превратится в лужу...
...Человек! К своей цели стремись!*

* * *

Допустим, нет разлитого чая,
И эта ссора стоит в стороне,
Прижавшись головою к стене.
И души я в тебе до сих пор не чаю,

И лишь для тебя улыбаюсь...

И знаешь... снова, как раньше, как дети,
Вместе в блестящее небо глядим.
Чего мы желаем? Чего хотим?..
Слушаем мурлычущий ветер.

И, дураки, звезды считаем.

Допустим, не взрослые – прыгаем в лужи! –
И брызгами пачкаем наши мечты,
И сразу на «ты»...
И небу покой ненадолго нужен...

И сразу начинаем друг друга ценить...

Ложка и зеркало

Ложка – зеркало с подножкой.

Ложка, стоя на одной ножке, любовалась собой в Зеркале, а Зеркало любовалось собой в Ложке.

— Какая я чудесная, прелестная, железная! – лепетала Ложечка.

— Какое я блестящее, красивое, манящее! – увлеченно говорило Зеркало.

— Какой вкусный чай, – задумчиво произнёс Хозяин Зеркала и Ложки, – только сахарку бы ещё! – сказал Хозяин, разлучая Ложку и Зеркало.

Клоун

В мире-цирке ты клоун, старик!
Веселить ты умеешь людей,
Ну а дома снимаешь парик.
Человек – существа нет нудней...

Звезда и Пыль

Немного лет тому назад висела яркая Звезда на небе, светила она ярче всех и всех заметнее была, а ниже, на земле, под тенью, Пыль лежала, и шло столетие второе ей, но до сих пор её никто и не заметил.

Пыль та мечтала стать Звездой, пусть и не самой яркою на небосклоне, но хотя бы той, которую заметит кто-то, а та Звезда давно и тайно мечтала... Пылью стать.

И вот однажды, ровно через год после темнейшей ночи, Звезда сдержаться не смогла и с Пылью заговорила, тогда, когда другие Звезды крепко спали.

— Везет тебе, тебя никто не замечает, и тебе не нужно быть всегда великой и прекрасной. Хотела б я такой же Пылью стать, а лучше с грязью той смешаться.

Пыль подняла глаза к Звезде и первый раз в глаза ей прямо посмотрела.

— Завидовать?! Ты?! Мне?! Считать я буду честью, что такая красота заметила меня, никто меня ещё не замечал... – и, помолчав, добавила: – А если честно, хотела б стать Звездой я. Пусть и не самой яркою, но хотя бы той, которую заметит кто-то...

Как только молвила то Пыль, и у Звезды закончились слова, неподалеку кони показались, и затряслась земля, и небо задрожало. И поднялась вся Пыль до голубых небес, а самая красивая Звезда на небе в грязь упала.

...Шли годы, на небе Пыль висела, а яркая Звезда в грязи лежала. Но вот что странно, Пыль, что до небес высоко поднялась, так и осталась неприметной, а ту Звезду, что в

грязь упала, так все её любили, замечали, уважали, как и прежде, не примечали и того, что она в грязи лежит. Ведь Пыль, та, что до небес высоко поднялась, Пылью всё равно осталась, а та Звезда, что в грязь упала, так Звездой и считалась.

* * *

У нее есть мечты глоток –
Сказки о рыцарях честных...
Ночью, накинув платок,
Читает о них и принцессах...

Поднимает свечу восковую,
Над потертыми страницами...
Вчитывается в историю живую,
Проживая ее с принцами...

Сама поднимает меч!
Уходит в бой... навеки...
Скидывая платок с хрупких плеч,
Берет щит, надевает доспехи...

А после прочтения книги,
Прижимает ее к груди...
В руке – «Собрание Великих»,
Яркая жизнь – впереди!

Братухина Дарья
14 лет

Об Украине

А тем временем где-то бомбят поезда,
Люди в холоде зиму встречают.
А тем временем где-то там – тетка-война
Людям тихо жить помешает.
Там летят самолеты над брэнной землей,
Оставляя горящую тропку.
Там повстанцев отряды огромной толпой
Надвигаются вместе на сопку.
Там бесчинствует власть, продаются друзья
За гроши, там не ценится чувство.
Только вера вовек не затухнет моя,
Вера в то, что не станет там пусто.

Власова Полина
14 лет

*Здесь хранится разбитое сердце моё,
Что замерзло и больше не слышит.
Эх, убрать бы из шкафа старьё
И лететь парашютиком с крыши!*

* * *

Дождь. Гром. Потолок.
Старые окна скрипят.
Жаждающий крови один глоток
Снова в тени зажат.

Сижу под кроватью одна
С медведем в руках и в платье.
На пол светит луна,
Её свет на полу как проклятье.

Она тянет ладони ко мне,
Я несмело делаю шаг
И иду по девственной тьме,
Руки делают взмах.

Я парю в ливневой тьме,
Мы с природой поем в унисон.
Но всё это в моём уме...
Жаль, что это лишь сон...

Ведьма

Ты как ножиком острым по коже –
Я в безудержный лес уползу.
Это так на безумство похоже:
Ведьма – я, ты похож на грозу.

Не предатель ты и не Иуда,
Видно, просто устал от всего.
И не жди от меня больше чуда,
Мне самой не хватает его.

Краски

Новые лица мелькают в тени
Осколками прошлых жизней.
Они кричат: «Покрывало стяни!
Избавься от старых мыслей!»

А ты затерялась в тоскливой мечте,
Пытаясь к покою вернуться.
Пиши свою жизнь, как в новой статье,
И прошлому дай улыбнуться.

Открой чистый лист и начни снова жить,
Как учили нас в детских сказках.
Попытайся против течения плыть,
Нарисуй себя в новых красках.

* * *

Я до жути спать хочу,
А всё равно не спится.
Я как во сне уж бормочу,
Хоть хлопочу, как птица.

Мозги уже хотят в кровать,
А руки пишут, пишут.
Эх, мне бы с небом поболтать,
Но вот нельзя на крышу.

Противоречий много в мире,
Они опять с тобой.
Их ты найдешь в своей квартире,
Но будь всегда собой.

* * *

Мне больно всем об этом говорить.
Среди веселья говорить серьезно.
И жизни снова прерываю нить,
Мы говорим «люблю», хотя уж поздно...

Мне тяжело об этом говорить.
Среди предательства живут веками люди,
Нас заставляют чувства сотворить,
Но мы не знаем где, когда мы любим...

Мне страшно всем об этом говорить,
Боюсь терзанья совести жестокой.
И вместо ложных слов-убийц
Я буду плыть ладьею одинокой.

* * *

Я смотрю куда-то вдаль,
На море с синей окраской,
В страну волшебной чаши Грааль,
Где реальность кажется сказкой.

Я в белом платье и рваной фате
Стою на краю своей жизни
И сердце как будто уже в темноте,
Поверхностны все мои мысли...

Я таю, я просто схожу с ума,
И солнце печёт мои раны.
На красном песке стою я одна.
Зачем все уходят так рано?

Иващенко Дарья
17 лет

*Добеги до краев в полуприседе,
Позови к могиле закат.
Мое небо течет прямо к выси, но,
Поднимаясь, рвется назад.*

* * *

Луга просторны, пахнут цветом
Душистых трав, утренней росы...
Идем мы в горы вслед за рассветом
Вдоль свежей лесополосы.

Когда подойдем мы к самой вершине,
Мы ляжем в море густой травы.
А рядом, знаешь, ведь ни души нет.
И пролежим до дневной жары.

И ты тогда к моим щекам алым
Приложишь руки, что все в грязи.
Нам этих гор сразу станет мало!
Этих полей, речек и низин.
Нам будет солнце ослабшей лампой,
А небо – наш белый потолок,
Мой яркий смех на бумаге штампом.
Вот он, наш новый уголок.

Здесь мы лежим, засыпая рядом,
Нету ни боли, ни прежних бед.
Вновь ты меня одаряешь взглядом,
Чертишь на шее пальцем след.

* * *

Царь стоит у окна,
Распыляя свой взгляд в догоревшей свече.
А на пороге война,
И потертый сюртук натирает в плече.
Царь победит врага,
Царь станет лордом Европы.
Душа в стенаниях нага,
А шарф – маячок катастрофы.

Царь стоит у окна,
Прижимая жену к недрожавшей груди.
А под балконом толпа
Гулом жаждет его – вот начало пути.
Царь не отдаст им власть,
Царь, он не жертва Европы.
Крики, дурни и страсть.
Он избежит катастрофы.
Царь стоит у окна,
Устремляя свой взгляд на подорванный пол.
И разве щедрость вина
Тому, что за ним по пятам ходит ствол?
Царь прощает убийц,
Царь станет жертвой Европы,
Смех предательских лиц
Станет мечом катастрофы.

Царь стоит у окна,
Моля у икон об ушедшем отце.
А в стране тишина,
Царь рубит плеча, не меняясь
в лице.
Царь благороден и смел,
Царь не воюет с Европой.
Царь свою песню пропел.
В ней ни одной катастрофы.

Царь стоит у окна,
Он считает минуты, секунды,
часы.
Смерть как взрывная волна,
Ей воняет от тех, чьи идеи
пусты.
Мир не спасет война,
Царь будет предан Европой.
Правду прикончит весна,
Не избежать катастрофы.

* * *

Я хочу написать –
И смотри на меня преданными глазами.
Об одном и опять,
Утопая в грязи, задыхаясь слезами.
Я твержу об одном:
Мне надо писать, проклиная и каясь...
Только мне не дано.
Или, может, во мне ничего не осталось.

Ты пойми, не кричи:
Ты не предан. С тобой навсегда и в могилу,
И в воронки пучин,
Внутрь, вовне, отдавая и слабость, и силу.

Не давай омертветь.
Обними, заberi, отнеси ближе к небу.
Только нужно хотеть.
Босиком по шипам, по углям и снегу

Донести, долететь.
Это просто, ты сильный, сильнее не знаю.
Только нужно хотеть.
У меня нету сил, я почти догораю.
И не греет кровать,
И не греет в руках полутеплая чашка чая.

* * *

Патологическая нехватка,
Патологическая злость.
У нервных клеток снова схватки,
И снова руки ломают кость.

Прошу, теплее одевайся,
Прошу, храни мой тонкий взгляд.
Назло обиде не сдавайся,
Ты не однажды шел сквозь ад.

Патологически неясно:
Мы люди разных городов.
Но лентой связаны запястья
Тех, кто расстаться не готов.

Сглотни холодный грязный воздух
Со вкусом баров и дворцов,
И, может, сердце оживет вдруг
Под писки ядерных шприцов.

Беситься хочется и плакать,
Прогнать все потрясения прочь.
Но выйдет горестная мякоть,
Искать тебя отправлюсь в ночь

По улицам, где ты не бродишь,
Пока ты спишь в своей кровати
И сны про смерть мою не смотришь,
Мне никогда тебя не хватит.

* * *

Лицом к окну, с чашкой кофе.
Зачем, зачем устают прощать?
И так с трудом ложатся строфы,
И так легко падать на кровать.

Под ломом дел прощают близких,
Лишь бы не сказать, что тяжело.
Из окон потоки вязких, жидких
Эмоций льются, горизонт вразлом.

Локтина Наталья
14 лет

*В каждом из нас живет магия.
В мире всегда должно быть место
для фантазии.*

Раймонд Рассел

(главы из фантастической повести)

Глава седьмая Поиски

Пробежав около десяти метров, я оказался в джунглях, куда почти не проникали солнечные лучи. Не знал, что Кристина любит такие мрачные места. Ладно, некогда размышлять об этом. Я несколько раз громко позвал девушку, но, к моему великому сожалению, ответа не получил. Побежав дальше, я мог лишь молиться Богу о том, чтобы он помог мне найти Кристину! Хотя какой у меня может быть Бог, разве что Аид! В очередной раз я умудрился запутаться в лианах и упасть. Ругнувшись далеко не божественными словами, я попытался встать, но мгновенно замер, увидев огромное существо. Оно было похоже на гигантского льва, но только с фиолетовой шкурой и черной как смоль гривой. Животное втягивало носом воздух, словно пытаясь уловить запах добычи. Еще чуть-чуть, и оно могло меня не только учуять – лев бы увидел и, скорее всего, сожрал меня.

Но я лично не собирался умирать в этой дыре, тем более не найдя Кристину. Я начал очень медленно освобождать свои руки и ноги, и когда моя последняя запутанная конечность была почти свободна, чудовище замерло и резко повернулось в мою сторону. Наши глаза встретились, мои приобрели зеленый оттенок, но глаза льва... они до сих пор сняты мне в кошмарах. Черные зрачки в фиолетовых радужках, налитых кровью. Ладно, что цвет у них был, мягко говоря, жутковатый, но еще они излучали такую ярость и желание убить, что я очень испугался. На самом деле я далеко не из пугливых людей, но тут моя храбрость ушла погулять, не оставив даже записки, куда и надолго ли.

Не знаю почему, но мои инстинкты говорили мне лишь одно: беги! Я медленно выпрямился и стал обдумывать направление моего движения, зверь очень внимательно следил за мной, а я всем телом чувствовал, как его взгляд про-

жигает меня насквозь. Сделав шаг назад, я приготовился бежать, но вся проблема заключалась в том, что мне нужно было развернуться и как можно быстрее, ведь именно после этого хищник нападет. Я не знал, насколько быстро может передвигаться этот монстр, но меня мучило предчувствие, что лев весьма быстрый, несмотря на свои размеры. Данный вывод можно было легко сделать, только взглянув на его четыре мощных лапы с выпирающими мускулами. Сделав глубокий вдох, я развернулся и побежал, существо с оглушительным рыком бросилось вслед за мной. Это была гонка не на жизнь, а на смерть. Я лишь молился о том, чтобы не запутаться и не упасть, а самое главное – не стать добычей льва.

Глава восьмая Погоня

Борьба за жизнь, а у кого-то за обед, продолжалась уже больше десяти минут на достаточно высоких скоростях. Даже у моей выносливости есть предел: к сожалению, я чувствовал, что скоро выдохнусь. Нужно было срочно найти укрытие. Я смог приметить высокое дерево, собрав волю в кулак, ускорился и вскочил туда. По лианам было очень легко карабкаться, но лев тоже решил полезть за мной. Очень упертый попался, видно, давно не ел. Я бы его, безусловно, пожалел, но не сейчас и не при таких обстоятельствах. А эта тварь продолжала карабкаться вверх, мне лишь оставалось забираться все выше и выше. И когда чудовище уже предчувствовало, как оно будет есть меня – столь близка была его победа – случилось чудо, под весом льва дерево начало наклоняться к земле. Заметив это, я ловко перескочил на другую крону. Видели бы вы, как расвирепел зверь! Он так громко зарычал, что мне заложило уши. А сколько было в этом рыке досады и ярости! В общем, я решил уносить ноги, пока не поздно.

Глава десятая

План

Словно мыши, мы не издавали ни звука, пробираясь сквозь дебри джунглей. Буквально метрах в десяти от нас стоял временный пункт полиции. Судя по его размеру, сюда прилетела большая часть законников со всей Галактики. Честно говоря, я был польщен столь сильным вниманием в свою сторону. Но сейчас вся моя гордость исчезла, и мне хотелось стать безызвестным мелким ворюгой, но не больше. Конечно, я предпочитал жизнь вне закона, однако моя кровавая репутация сейчас могла за считанные мгновения уничтожить мою жизнь раз и навсегда. И, возможно, на этот раз мне не удастся сбежать из тюрьмы.

Но не будем о грустном! Я влез на дерево и знаком показал Кристине спрятаться в кустах: она быстро и грациозно, словно кошка, пробралась в укрытие. Мне удалось разглядеть безопасное место, где почти не было охраны. Нет, конечно, там стояло двое полицейских, но лично для меня они особой угрозы не представляли. Я тихо спрыгнул с моего обзорного пункта на землю и подошел к девушке:

— Я нашел почти не охраняемый участок.

— Что значит почти? Говори, как есть.

— Там стоят два охранника, их нужно по-тихому убрать, дальше путь свободен.

— Мне просто интересно, ты сумасшедший или прикидываешься?

— Ты это о чем?

— Пункт полиции, если ты не заметил, находится на пустыре, следовательно, спрятаться не за чем, а убить без лишнего шума тем более не получится. Я иногда просто удивляюсь твоей фантазии!

— Я беру на себя громилу, а ты вон того, что поменьше ростом.

— Ты меня не слышишь? Впереди пустырь, это большое открытое пространство.

— Я знаю. Но ведь на нем расположено много небольших построек.

— То есть ты намерен за ними прятаться? Хорошо, допустим, мы с тобой станем невидимыми на пустыре за множеством маленьких потрепанных конструкций, но где, позволь узнать, ты возьмешь оружие?

— Боюсь, что об этом я не подумал.

— Да быть того не может!

— Твоя взяла, я пойду за оружием ночью, а ты будешь меня прикрывать, если меня схватят, беги.

— Куда, если не секрет? У меня нет ни корабля, ни оружия, только джунгли в качестве укрытия, и то по ним любит гулять то огромное чудище.

— Не знаю, я до сих пор чувствую вину перед тобой.

Кристина посмотрела на меня с сочувствием, она поняла, что я сейчас бессилён. Девушка обняла меня и сказала: «Все будет хорошо, не бойся, вместе мы – сила!»

Митин Андрей
14 лет

*Когда брат на брата идёт с мечом,
Когда планета оделась в хаки,
Когда всюду битвы, и стычки, и драки,
Когда прожектор слепит лучом,*

Я

кричу

людям:

«Посмотрите на муравьёв!

У них нет серебра и золота.

Они все как один – брат за брата,

У них не бывает боёв.

Люди,

смотрите почаще под ноги.

Глядите на муравьёв».

Антивоенное

Я играл в чехарду на краю ущелий,
Я катился кубарем со скал.
Не слышал я ваших артиллерий
И штыков не видел злой оскал.

Я в горах держался тех путей,
Где ни страшных битв, ни львиных грив.
Не видал я там оков, цепей.
Не терзал там плоть солдата гриф.

И картечи не слышал визжащей,
Так же, как стучащего булата.
Не видал я «Миг» и «Су» парящих,
Не было ни одного солдата.

Видел только мир и ни одной войны.
Там не было гранат, там каждый – брат.
Но кипарисы там всегда растут стройны
На могилах умерших солдат.

Вереск

Из цикла «Люди вашего глобуса»

Мы вышли из Ливерпульской бухты на яхте «Rule, Britannia»¹, купленной мною ещё в 1899. В июне 1914-го не стоило выходить в море: война скоро. Тут и там происходили стычки между хвалёным флотом Его Величества и кораблями Вильгельма II, о которых нигде и никоим образом не рассказано.

Когда Ливерпуль за нами помутнел и нельзя было ничего разглядеть, парус был спущен, и якорь упал на дно. Солнце затаилось.

— Капитан, зачем вы поставили яхту бушпритом по волнам?

— Качка меньше.

Капитана звали Абрахам Моусвилл. При Виктории он служил командором на канонирской лодке, затем стал командовать дредноутом. Это был один из типичных джентльменов Конан Дойла и Диккенса: с холёными усиками, тростью с набалдашником в виде львиной головы, моноклем.

Действительно, с северо-запада появилась патрульная канонирская лодка. Она рассекала море на большой скорости, узлов сто. Над верхней реей развевался флаг Соединённого королевства.

— Наверняка из Белфаста. Свои.

— Капитан, броненосец на юге!

Немецкий дредноут, заблудшая овечка Северного моря. Пушки Круппа в башнях, дым саарского угля, Эльзасская сталь.

Но Моусвилла интересовала лишь лодка. Он пристально рассматривал, как она выписывает вензеля на воде. «Вереск!» Это мой «Вереск!» – крикнул капитан. Несмотря на китель и орден Подвязки, Абрахам бросился в воду и поплыл к лодке...

— К пушкам! Поджарим немца!

— За Британию! За флот Его Величества!

1. «Правь, Британия» (англ.)

И завязался бой.

Дреднот обходил крошечный «Вереск». Залп! Британские бомбы, визжа и свистя, ударились о сталь. Противник, отделавшийся несколькими пробоинами повыше ватерлинии, дал ответный. Лодка виляла между снарядами. Орудия извергали новые и новые ядра...

Немцы уходили в ночь, а «Вереск» – в пучину вод.

Эмили

Из цикла «Люди вашего глобуса»

Если вы пенсионер или вам просто хочется покоя, лучшим местом для вас станут захолустные городишки штата Нью-Гемпшир, такие, как Форэст-Хилл или Флауэр-таун. В 1920 году я жил в одном из подобных...

Его дом стоял на окраине. В городе его почитали за чокнутого. Дети чурались его, женщины крестились, мужчины напряжённо поглаживали приклады карабинов или курки «Кольтов» (в послевоенное время на северо-востоке штатов оружие носил каждый второй).

Я знал: его зовут Арчи. Именем этим его называли старики городка. Также они рассказывали, что с ним, когда он приехал из-за океана, была дочь. Необыкновенная была девочка: золотистые волосы, янтарного с зеленоватым отливом цвета глаза, звонкий и нежный, как у маленькой птички, голос. Ее звали Эмили. Она была гораздо общительней своего замкнутого отца, часто играла с ребятами, но не качалась, как они, на качелях, а закручивалась в веревках, чтобы потом долго кружиться, раскинув руки.

А потом в рощице у дома Арчи вырос небольшой земляной холмик... И никакого камня...

Странный он был тип. Ходил вечно в потёртой, засаленной кожанке. Никогда ни на кого не поднимал глаз, словно его взгляд навсегда ввинтился в дорожную пыль. По ночам у него горела керосиновая лампа, играл граммофон. Из гаража доносился стук молотка, шелест отвёртки, скрип гаеч-

ного ключа и бормотание коловорота. А самое подозрительное – его ночные посещения поля.

Один раз я решил проследить за Арчи. Взяв трофейный «Люгер», добытый мной на полях Первой Мировой (кажется, в Гессене, у немецкого офицера), прихватив театральный бинокль, купленный мной в парижской «Гранд Опера» ещё до войны, я залёг в кустах...

Я ждал до полуночи. Мой френч вымок до нитки, а сам я промёрз до костей. Наконец появился Арчи. Оглянувшись, словно вор, он запер дверь и побежал в лес быстрее антилопы.

Я вскочил и тронулся за ним. Мои окончательно окоченевшие ноги постепенно оттаивали. Лес чёрным чудовищем протягивал свои когти. Арчи был где-то впереди, я не слышал топота его ног. В моей голове играла бешеная песня вождя племени сиу, призывающего своих собратьев, жаждущих крови, на борьбу с бледнолицыми. Лес трещал от яростного ветра, хвоя и листва неслись сзади меня, а в ушах скрежетали безумные вихри. Крикливые вороны гаркали по обеим сторонам дороги.

Я остановился, чтобы отдышаться. Справа от меня двумя кусками янтара с зеленоватым отливом что-то мерцало. Я выстрелил и кинулся в чащу, не разбирая дороги. Но уже через несколько

минут цепкие ветви вдруг отпустили мои руки и ноги: я вырвался из леса – добежал до поля...

Пропеллер трещал, затем начал быстро-быстро вращаться. Красавец биплан блестел голубым фюзеляжем. Самолёт стремительно понёсся по полю, а затем взлетел.

В ночном небе горели лишь звёзды и золотые буквы на крыле летящего самолёта: «Эмили».

— Ты летишь, Арчи. Под поношенной кожанкой пряталась крылья.

Папин Федор
13 лет

Рождественский рассказ

Истощённое тело Грека валялось на больничной койке, которая с концами переехала в его комнату ещё год назад. С каждым месяцем к койке прибавлялись всё новые убийцы надежды: капельницы, костыли, коляска. Теперь Грек уже не мог подняться с кровати, рак с каждым днём всё сильнее одолевал его тело и, что важнее, разум. Раньше он пытался цепляться за сон, забывал, кто он, улетал в созданную для себя страну грёз и мечтаний, но по мере прогрессирования болезни сон его превращался в огромный лабиринт, выход из которого означал смерть.

Снежные хлопья, будто управляемые маленькими парашютистами, назойливо пытались спикировать на окна комнаты больного, чтобы ещё сильнее огородить от мира, где царило веселье, радость и гармония.

Больше всего Грек боялся остаться с собой один на один, и поэтому в его комнате всегда мерцал телевизор. Показывали умирительного толстяка в колпаке, весёлых детей и не менее весёлых взрослых.

В комнату зашла жена, и он с превеликим удовольствием выключил телевизор.

— Я ... Я только хотела сказать, что сегодня приедет Энид, она будет расстроена, если застанет тебя в таком виде, попробуешь встать? – сдерживая слёзы, сказала Мари.

— Ты же знаешь, что нет, Мари, – жена заплакала. – Нет, не надо, пожалуйста!

— Знаешь, с каждым днем я вижу, что шансов у нас всё меньше, но ты должен знать, что мы будем бороться до конца, хочешь ты этого или нет.

— Я понимаю ...

Мари не стала слушать ложь мужа и в слезах выбежала из комнаты. Она была сильной женщиной, вот уже два года она исправно бегаёт в банк и оплачивает счета за лечение, в последние время суммы стали и вовсе неподъёмные, но она не сдаётся, раз за разом опустошая последние копилки.

— Дедушка, дедушка!!! – маленькая Энид носилась по комнатам, разыскивая Грека.

Она, будто рождественский колокольчик, бегая, вносила в сумрак безысходности этого дома нотки счастья и надежды.

— Привет, дорогая, как папа поживает? – старик продолжал задавать дежурные вопросы, пока девочка усаживалась к нему на колени.

— Дедуля, зачем тебе такие штуки в комнате? – спросила любопытная Энид.

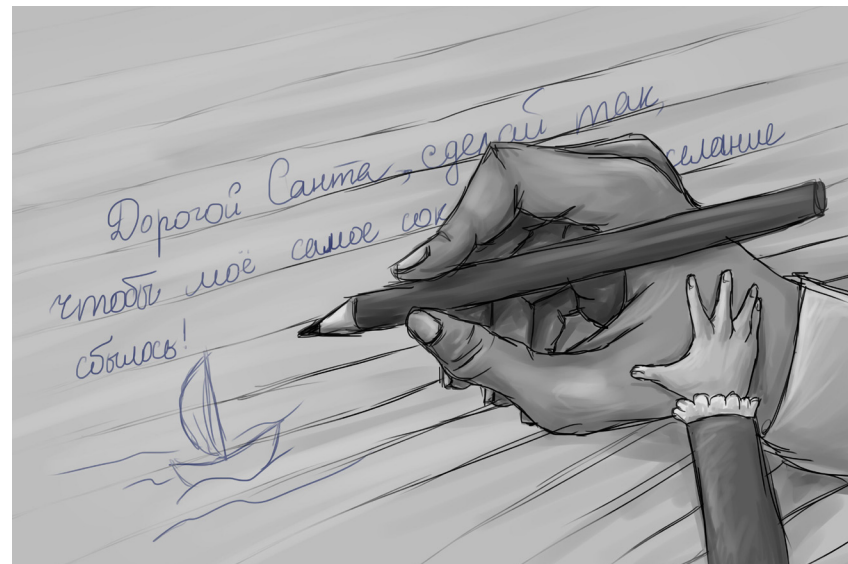
— А я играю, в космонавта, а это мой корабль... Как тебе?

— Не ври, взрослые не играют!!!

— Но ...

— Ты уже записал желание на Рождество, мама сказала, что если записать желание на бумажке и положить под рождественской ёлкой, то оно обязательно сбудется!

— Об этом я совсем позабыл, дорогая, давай напишем вместе?

— Но ведь я уже написала ... — поняв, что проблема в том, что Грек не может пошевелить рукой, она взяла в свою маленькую, детскую ручку его бесполезную культю.

«Дорогой Санта, сделай так, чтобы моё самое сокровенное желание сбылось!»

Грек силой сдерживал слёзы, глядя на это, но он не мог позволить себе заплакать при таком милом создании.

Потом у старика начался очередной болевой приступ, шёл он дольше обычного, изо рта ручьём текла кровь, когда боль немного отступила, врачи подпустили к нему Мари и Энид. Девочка, видя как дедушка страдает, крепко обняла его и стала петь колыбельную, Мари поцеловала его и ушла.

Грек не хотел открывать глаза, боясь, что удар боли опять контузит его, но, открыв глаза, он ничего не почувствовал, рядом не стояло ни капельниц, ни коляски, ни прочей удручающей техники. Грек с проворностью молодого моряка вылетел за дверь, и его встретил прохладный морской ветерок. Все матросы посмотрели на нового капитана и отдали ему честь. Грек взобрался на нос корабля и отправился в новую и счастливую жизнь.

Сидоров Севастьян
14 лет

*Небо ночное
Узором обвито.
Ветер как сито:
Всё, что живое,
Он обмывает,
А оставляет
То, что растает.*

Темнота

Комната та же, но будто не та...
Вроде не ждал ни гудка, ни звонка –
Странные звуки издалека...
Меня начала пожирать темнота.

Новые странные скрипы и звоны
Снова вонзаются прямо в меня.
В черном окне пролетели вороны.
Нет, не вороны в окне! Это – я!

Это и есть главный страх темноты –
Остаться с собою наедине.
И вдруг, услышавши голос из вне,
Подумаешь, не испугавшись, ты:

«А что если голос чужой –
Мой?»

* * *

Череда облаков
проплыла на закате
Избавлять от оков
Мир, сгоревший, мечтавший о грома раскате.

Только гром не спешил
Он дослушал с вниманьем,
(Он ведь судьбы вершил)
Все людские молитвы, мольбы и прощанья

С милым домом, с семьёй,
А еще обещаю,
что вернётся домой
Тот солдат, что не выиграл бой.

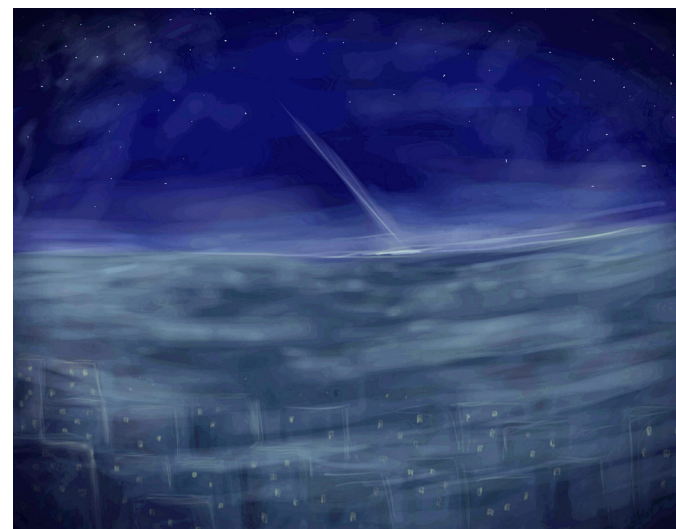
Пелена

Фиолетовый, как мыло,
Маленький снежок.
Это город наш накрыла
Пелена, дружок.

Накрывает пелена
Город раз за разом,
Хоть твердят, что не видна
Даже краем глаза.

В горизонте пустота,
Но за горизонтом
Солнца луч захохотал,
Как ребенок, звонко.

Хмурый город. Тишина.
Люди спят в ночи.
Их накрыла пелена.
Ну, и ты молчи.

Фетисов Александр
12 лет

*Смерть приходит ко всем.
И мне хочется это понять,
Что будет, если её
Просто из жизни убрать.*

*Зло у многих есть,
Это проблема сейчас.
И что, если просто его
Вырвать из сердца у нас.*

*Любовь – это добро.
Но оно не у каждого здесь.
Кто чувствует сердцем его,
Тот полюбит тебя как ты есть!*

Ummyrse

Колесо

Каждый участник игры в течение двух минут на своем листе пишет сочинение на заданную тему, затем листы передаются по кругу, сосед дорабатывает сочинение следующие 2 минуты, и листы снова передвигаются, пока «колесо» не замкнется. Получаются коллективные стихи, этюды, рассказы и т.д.

Тень

* * *

Я учился и солнцем делиться,
И ветра отдавать.
На другое и времени нет.

Он копил все, что может пылиться,
И совал под кровать,
Даже воздух, и время, и свет.

* * *

Много большее может тень,
Но давать – не её удел.
Тень вбирает в себя лучи,
Тень и солнцу диктует предел.
Тень прильнула к губам: молчи!
И закрылись ворота в день.

* * *

Когда ты почувствуешь, что ты один, это окажется не так. Помни, с тобой всегда твоя тень. Иногда ты, может, не увидишь её, иногда она уходит. Она просыпается вместе с

тобой, улыбается чёрными зубами и чистит их чёрной пастой, чтобы они стали ещё чернее. За завтраком тень непременно избавляется от чувства сытости. Она постоянно питается тобой. Люди умирают, когда становятся съеденными. Едят не плоть, но душу. Тень сохранит твою душу, когда ты умрёшь.

Ты будешь жив, будешь легко скользить в жёлтых пятнах фонарей, обнимая тех, кто был тебе когда-то дорог, и дыша смертным холодом в лица дураков и предателей. Никто не услышит твоих шагов, не узнает тебя. Но тебе-то плевать, ты ведь просто тень на стене, отголосок прошлого, утраченного в веках. Нет, живущего в памяти тех, кто звал тебя по имени, сочувствовал, любил или унижал. Любил? Любил только ты, а они были тенями твоей любви, яркими оттенками переполненной чаши эмоций.

Ты плачевен, друг мой или подруга? Тень моя... Ты всё ходишь за мной, без тебя не уйду никуда... Только будь ты со мной всегда.

* * *

— Только не выключайте свет! А то исчезну. Уж кому-кому, а мне без света ни минутки не прожить!

— А может, пусть свет погаснет? Погибну! Зато обрету свободу!

— Свобода – это не всегда хорошо. Иногда лучше побыть на свету: ты всех видишь, и они тебя тоже. А в темноте откуда ты узнаешь, кто с тобой рядом и кому доверять?

В лампаде догорает масло, все тени скоро погибнут, и эта церковь станет их братской могилой – кладбищем, на котором утром рождаются новые тени.

Свет гаснет, и тени сливаются в одну. Они теперь все вместе, одна тень не значит ничего, есть только эта огромная орда – натурально китайцы.

Буриме на рифмы Н. Заболоцкого

* * *

Для чего же простерт в небесах этот звездный чертеж
И на озере в черной воде чертежа отражение?
Не прочесть в нем пророчеств про боль, нелюбовь и про ложь,
Ни кружения лет не увидеть, ни судеб крушенья.

Эти графики, схемы, увы, неподвластны уму...
Только мальчик вошел и в оконном застыл переплете –
И летят светляками созвездья навстречу ему,
И читает он музыку в каждой сияющей ноте!

Н. Ю.

* * *

Сеткой накрыты вершины зданий,
будто боимся, что небо – ложь,
что мир весь – чей-то огромный чертёж
и витрины скользят тенями его очертаний.

Поднимается голубь. На взлёте
его сущность простая видна.
Мы ж забыли, что небо без дна,
и запутались в улиц тугом переплётё.

В муравьиных домах застыло движение:
его выпили чаши окон.
Мы стоим друг для друга боком
и глядим на своё отражение...

...Вдаль ресницами солнцу махали мы
сквозь себя и смотрели, как клонится за порог
его птичьего жара перо.
На подлунные трассы дорог
прорывалось несмело дыхание.

Миронова Ольга

Сумасшедшие вопросы

В этой игре все участники по очереди задают неожиданные вопросы, на которые всем нужно ответить в своем сочинении. В процессе создаются рассказы и стихотворения с необычным ходом мыслей.

Вопросы сегодняшнего дня:

1. Почему портрет чёрно-белый?
2. Почему обломилась ветка?
3. Куда вела дорога?
4. Кто выключил свет?
5. Что ждёт за скалой?
6. Откуда появился кабанчик? /Откуда в небе птицы?
7. Где кончается земля?

Про портрет, домовых и кота Кабанчика

Девочка взяла кусок угля с папиного стола, подошла к зеркалу и стала рисовать свой портрет, потому что натурщиц в кабинете не было, а папа говорил, что новичкам надо обязательно рисовать с натуры. «Вот я и буду сама себе натурой, – решила девочка. – Эх, тяжела жизнь бедного артиста!» Скоро она столкнулась ещё с одной проблемой: волосы у неё были светлые, с медным отливом, а уголь только чёрный. Девочка надула щёки и подумала, что лучше тогда сделать чёрно-белый портрет, и смело мазнула углём. Скоро и ла-

дошки, и нос, и новая белая кофточка девочки почернели настолько, что разница в цвете с натурой была уже почти незаметна, и юная художница удовлетворённо шмыгнула носом.

Поместив портрет и остаток угля на видное место, девочка подбежала к окну и увидела на ветке соседского кота Кабанчика, названного так из-за своего размера.

— Кабанчик! – обрадовалась она знакомой физиономии. – Кис-кис-кис, Кабанчик...

Кот надменно фыркнул (или хрюкнул?) и пополз к окну, радуясь спасению. Но под его весом ветка жалостно хрустнула, и он, в очередной раз оправдывая свою кличку, тяжело ухнул на землю, в последний момент неуклюже выставив лапы. Осмотревшись, Кабанчик выпрямил хвост в толстую пушистую трубу и вальяжно прошествовал к крыльцу, но девочка этого уже не видела. Она бежала вниз по лестнице, размазывая слёзы по чумазым щекам и крича:

— Мама, я Кабанчика убила!

Но мамы она не нашла, как и Кабанчика, который решил отлежаться за диваном, поэтому выбежала на дорогу и помчалась искать маму. Дорога та вела к озеру со скользкими глинистыми берегами, и девочка несколько раз поскользнулась и упала в грязь. Красивой кофточке точно пришёл конец, но девочка решила, что похоронит её вместе с Кабанчиком, и более не переживала по этому поводу.

В комнате же, где остался лежать Кабанчик, девочка забыла выключить лампу, и когда кот обнаружил, что свет погас, он встревожено выполз из-за дивана и побежал к двери, надеясь остаться незамеченным. Но получилось наоборот. Он кинулся под ноги папе, который и погасил лампу, и сбил его. Папа грузно поднялся с пола и отчаянно выругался, увидев мелькнувшую за ним рыжую молнию. Папа был суеверен, поэтому попятился на кухню, нашёптывая заговор от домовых. От вампиров помогает чеснок, а вот от домовых что? Ушибленная нога отчаянно болела, и папа решил, что домовые тоже те ещё кровопийцы, значит, от них чеснок должен помогать.

Между тем девочка нашла маму, которая ждала подругу за большой каменной глыбой неподалёку от озера. Увидев

её, мама запричитала в обычной своей трагической манере, печально растягивая слова и сердито притопывая ногой. Мама была неудавшейся актрисой.

— Видел бы тебя твой отец! – так она закончила свою тираду.

— Не видел, – призналась девочка. – Но я портрет ему оставила!

Она схватила маму за руку и потянула домой, несмотря на её бурные протесты.

Возле соседского дома девочка увидела живого и невредимого Кабанчика, который грел на солнышке рыжий живот и рассуждал, откуда в небе берутся птицы. Наверное, думал он, птицы появляются на солнце вместе с рыжими котами. И он тоже появился на солнце. Вот родился бы он не котом, а красивым лёгким соколом, и были бы у него большие светлые крылья, и звали бы его, ну, скажем... Полуэкт. Хорошее имя Полуэкт, звучное, не то, что...

— Кабанчик! – обрадовано взвизгнула девочка. – Цельный и неповреждённый!

Девочка схватила кота, который был почти с неё размером (а девочка была ростом с целого вепря!) и триумфально потащила домой.

А дома папа нашёл рисунок девочки, весь размазавшийся и превратившийся в набор фантастических чёрных пятен, и совершенно перепугался, решив, что это послание тёмных сил. Он сидел в гостиной и думал, как избавить дом от духов.

Когда девочка вошла в дом, чёрная, чумазая, неся на руках большую рыжую зверюгу, папа не выдержал напряжения последних двух часов и обессилено грохнулся на пол с шаткого стула. Девочка встревожено бросилась к нему.

Последовала немая сцена.

Кабанчик, подняв хвост, трусил по дороге как можно дальше отсюда, возможно, даже надеясь найти, где кончается земля.

Тычинская Елена

* * *

Портрет был чёрно-белый. Настоящие краски казались бы слишком неправдоподобными, люди бы не поверили, что так может быть. Но и оттенков белого и чёрного достаточно было, чтобы въестся в память проходящих мимо людей. Насыщеннее любых многопиксельных спектров, мощнее была светотень. И смотрящие на него не могли сказать, чего в этом портрете было больше, тени или света. А потом «прикидывали» это на свою жизнь и тоже не могли дать точного ответа.

Обломанная ветка источает однородный, казалось бы, сок, но и в нём каждая капля, не будь она вылита из древесного русла, знала, когда она поспособствует распусканию, созреванию, отмиранию. Обломалась она об голову, занятую чёрно-белым портретом. Сама мысль о бесконечности проявлений и вариантов, пока она живёт в человеке, способна представлять миру новые спектры в новых проявлениях, создавая вселенский фрактал.

Дорога вела к бесконечному движению, голоду цветоощущения ради жизни, дорога вела к мысли, что нет однозначности, нет монотонности в живом. Дорога вела к жизни ради жизни, и, если бы не вела, играя гаммами, полутонами, не было бы и дороги, и идти по ней было бы некому. Дорога вела нас к этой ветке, этому портрету, чтобы пропустить через нас этот импульс, изменить взгляд на мир. Но иногда кажется, что всё однозначно. И некто хочет научить тебя чему-то другому, выключил свет, оставив тебя в темноте, один на один со своими размышлениями. И, о мудрейший, обратил твоё внимание на собственный, внутренний свет. Чтобы не сжечь себя внешним светом, неумело направив этот резкий прожектор внутрь себя, сердца и души, чтобы взрастить внутренний свет и явить его миру маяком.

За скалой будешь ждать странствующие корабли и скрывающиеся под собой бездну волны. И сможешь по-человечески стать оплотом для странника, сбившегося с пути или уставшего от долгой дороги. За скалой, может, держит к тебе путь

и дарящий мысль, подарки судьбы или уютный оазис кратковременного покоя среди штормящей волнующейся глади.

Укажет он на высокое небо. Увидишь, там, в дали, оно разверзается и посылает на землю золотые лучи. Их падение перекрывают парящие птицы, создавая для земли очередной узор светотени. И упадут лучи на гавань и прогреют воду, и на молодой кустарник, раздвинув который, найдёшь там кабанчика, Божью тварь без цветного зрения, но любящую жизнь и чувствующую по-своему этот мир. И на тебя падут золотые лучи, как и тысячи лет назад, создавая древесный уголь, будут и в тебе создавать энергию для будущей жизни, заставляя шуриться, улыбаясь, и снова открывать глаза этому миру. И не найдёшь, где кончается земля, а где начинается. Здесь и пространство, и время одинаково неопределены. И нет покоя, ибо нет ответа, и тогда течёт по ней жизнь и ведут во все стороны дороги, не прекращаясь, неустанно, ведь земля круглая.

Сазонова Александра

* * *

На руках у меня
чёрно-белая память времён.
Уже поздно её менять:
тот, что был, навеки остался влюблён.

У семейного древа-отца
обломилась дочка-рука.
Он не думал её ругать,
хоть и стал забывать черты родного лица.

В путь позвали её перелётные птицы,
а их утлый ботинок-гнездо
птенцам не стал путеводной звездой
и остался на крыше пылиться.

В старой комнате выключен свет,
папа-дуб в кресло врос совсем.
В дохлых мухах поверхность стен.
Мать лежит под землёй в Москве.

За уютного дома стеной
выдувается ветром зерно.
Дочь не знала: мир одиноких закрыт пеленой,
как в бессонье, глазам темно.

Перелётные птицы домой летят.
Не нашли они края земли
и у Бога вернулись семью молить.
Только высохло древо
без сбежавшего солнца-дитя.

Миронова Ольга

* * *

Если долго на мир смотреть
Сквозь засаленное окно,
Может, твой черно-белый портрет
Превратится однажды в цветной.

Не дели на своих и чужих,
Всех Господь в одну реку макал.
Если в слове ни грамма лжи,
Зацветает и посох в руках.

От привычных уйди вещей.
Не отказывайся, не проси.
Ты единственный, кто в душе
Может свет навсегда погасить.

Ты не бойся упасть на дно,
Прихвати с собой акваланг.
Смысл дороги любой в одном –
Чтобы в небо она вела.

Не робей! Ну, чего ты встал?
В небе страшно, но мы растём.
Если нет за спиной креста,
То не лбу не сплетается тёрн.

В окружении грёз и гроз
Мы нашли тебя под горой.
Ты, не делая точный прогноз,
Полагался на карты таро.

Суета всё коптит и коптит,
Чёрной сажеей застлав глаза.
За окном стая белых птиц
Тщетно пробует что-то сказать.

День и ночь – это нервный тик
У Атланта, которого нет.
Ты не пробуй отсюда уйти.
Край Земли на твоём окне.

Маняхин Пётр

Здесь были мы

Вместо предисловия

* * *

Весна из-под снега улыбнется зубами черными,
На асфальте засохли последние слезы зимы.
И ветер воет вроде бы ни о чем, но я
Чувствую: здесь были мы.

Здесь были мы. Запахи детства
Переплетаются с дымом от остановок.
Город, рожденный нами, чтобы согреться,
Оживает, становится чуток и колок.

Здесь были мы. Сердце молчит и плачет,
Жизнь без тебя ведь тоже смыслом полна.
В нашей системе для тех, кто мыслит иначе,
Тоже есть выход – в черный проем окна.

Здесь были мы. Больше нас здесь не будет.
Дождь смывает наших воспоминаний гряды.
Я из теплицы судьбы выхожу наконец-то в люди,
Но не уверен, что до людей дойду.

Здесь были мы. Выслушав сотни песен,
Так и не удосужились написать свой гимн.
Мир для меня будет и был интересен.
Я становлюсь другим.

Маняхин Пётр

Маняхин Пётр
16 лет

*Мне бы окон побольше раскрыть в себе.
Мне бы только свежий воздух впустить.
В миг закружится пыль, и уже, хоть убей,
Хочется к небу расти и расти.*

* * *

Пыль на ступнях вместо ила.
Иду по дну автострады.
Над империей
никогда не заходит светило!
Потому что оно – исчадие Ада.
Потому что светить – это значит, верить,
Потому что светить – это значит, жить.
В Москве язык твой раздавлен дверью,
В Риме – тонет в потоках лжи.

Нам настольная лампа сжигала глаза,
Нам прожектор настойчиво в спину бил.
Эти раны никак нельзя зализать.
Эти раны можно только любить.

От эпохи
я, может быть, и отстал
Или вырвал из жизни этот листок.

Но уверен: по-прежнему
вместо креста
На Голгофе
чернеет
фонарный столб.

* * *

Мне бы окон побольше раскрыть в себе.
Мне бы только свежий воздух впустить.
В миг закружится пыль, и уже, хоть убей,
Хочется к небу расти и расти.

Мне бы только увидеть знамя своё
И идти вперед, пускай в дождь и грязь.
В мире каждый о чем-то негромко поёт
И хочет достойней других упасть.

Мне б не верить в судьбу, не решать на бегу,
Постоянно чувствовать, что за спиной.
Я, наверное, многое в жизни смогу,
Если будешь всегда со мной.

* * *

Эпохи ушедшей в ушах до сих пор
крик и клёкот,
О новой
пока говорить очень сложно
и рано.
Там
в школу шли строить
коммунистическое далёко,
А я в первый класс –
под плач детей из Беслана.

Когда-то Гагарин летел к скоплениям звезд,
Ручьем
казался советским солдатам Ла-Манш.
А нам колыбельную
тихо стонал “Норд-Ост”,
И глушит теперь троекратный
“КРЫМНАШ”.

Мы дети терактов, плохих новостей и погостов.
Нам трудно избавиться от информации груза.
Чего б еще не натворила Россия-подросток,
Должна повзрослеть
за период полураспада Союза.

Я верю,
что мы уйдем из порочного круга,
Что мир единожды станет менее страшен.
Но люди фатально
любить не хотят друг друга.
И в ноздри вливается гарь
единоутробных
башен.

* * *

В наших словах тонны воды и руды.
Наши стихи – эпохи всей эпитафия.
А на Лубянке били и бьют под дых
И оставляют корчиться на сверкающем кафеле.

Я люблю Россию.
Иисуса,
Будду,
Аллаха
И любого другого мессию
я поставил бы наравне,
но не по мне,
когда молодой, полный сил,
пусть даже пахарь,
будет тысячу лет терпеть,
и лишнуть, как репей,
и спрашивать впопыхах,
между страданием и бедой:
“Когда сделают так в верхах,
чтобы нас обеспечить едой?
Мы ничего не просим,
Сеем да косим.
А как же иначе?
Разве я не для этого предназначен?”

Так и будем
и я, и ты
вытирать грязные лица
о чистой рубашки рукав.
Пот и кровь будут литься и литься,
и прольется река.
И на ее берегах,
Сквозь наш с тобой прах,
прорастут цветы.

Нам

Кладбища заняты парками:
Нам всем негде будет
лечь,
Чтобы плакальщицы плакали,
А оратор толкал свою
речь.
Глазницы окон зарею повеятели,
Из них теперь только
упасть.
В этом мире нет ни любви, ни политики,
Осталась животная
страсть.

Нам ходить по стеклу, нам глотать металл,
Нам верить, что бог в облаках сидит,
Что он всемогущ, мудрее стал,
Но все же по-прежнему нелюдим.

Проверить надо, кто неустрашим,
Кто впитал в себя жизни устав,
Кто из нас покорит вершину вершин,
Ни капельки не устав.

На деле же каждому есть, где лечь,
А жизнь отмеряет колесный
стук.
Ты можешь падать с моих плеч,
Но мы никогда не опустим
рук.

* * *

Сделай так, чтобы в комнате не было лжи,
сделай так, чтоб хотя бы кусочек мирка
не думал о том,
кому услужить,
не пускал честь и душу свою с молотка.

Сделай так, чтобы в комнате не было слёз,
сделай то, что поможет тебе спастись.
если верить в судьбу,
если верить всерьез,
то единственный выход –
с карниза вниз.

Сделай так, чтобы было кому провожать,
чтобы было на чью опереться руку.
Мы уходим в жизнь по лезвию ножа,
обратив ее в хождение по мукам.

* * *

Не у каждой звезды есть право упасть.
Не каждая станет впоследствии чьей-то мечтой.
Когда космос раскроет иссиня-черную пасть,
звезды всех поразят
своей красотой.

Звезда – на камзоле Атланта страз.
Сверканьем своим сжигает людскую боль.
В ночи загорается каждый раз,
чтобы грусть и веселье –
все разделить с тобой.

Полотно ночи разрезали поезда,
а в небе еще горит душевный запал.
Рассветом изъедена мученица-звезда.

Держись за нее,
пока не упал.

* * *

Я кручусь, постоянно сбиваясь со счёта,
Сколько раз я хватался за кончик хвоста.
Мне сказали: «Крутись – это круг почёта».
До почёта никак не могу достать.

Я гонюсь, я помню, живу и плачу,
Я все живое готов простить.
Мне как-то сказали, что будет иначе,
И я продолжаю свой крест нести.

Я кручусь и знать ничего не хочу,
Мне больше от вас ничего не надо.
А если хотите помочь чуть-чуть,
То знайте, мой круг – последний из Ада.

Каждый горит, не зная, за что погаснет.
Каждый живет и думает по часам.
В мире, пожалуй, нет ничего прекрасней,
Чем выйти из колеса.

* * *

Я буду ждать, оставляя на пульсе руку,
Я буду верить, что раньше придет весна,
И люди пусть будут немного добрее друг к другу,
И жизнь пробудит их от равнодушного сна.

А кто-то пусть ждет, что вскипит наконец-то чайник,
Что верной и любящей будет его жена.
Зарплату на крохи повысит ему начальник,
И всех их накроет спокойствия пелена.

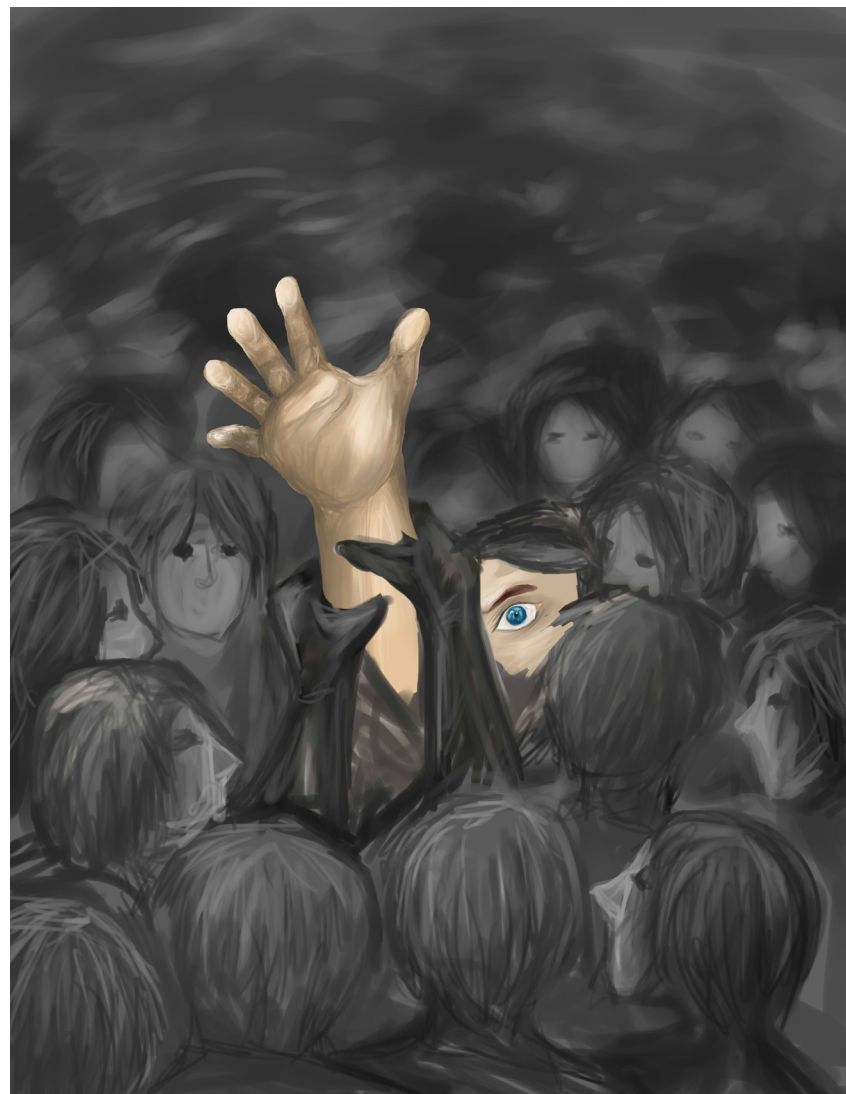
Мы все будем ждать от жестокого мира мира,
И верить, что в сердце не будут врезаться ножи.
Иконы в окладах пускай за нас плачут миррой,
А я предлагаю жить.

* * *

Фотокарточку личности вклеили в общий альбом.
Ни правда, ни лжи, нет и звона душевных струн,
В груди не бывает разрывов сердечных бомб,
И сам не поймешь, правдолюбец ты или лгун?

Ты смотришь сериалы, совсем не читаешь книг,
Так с каждой минутой гаснет одна свеча.
Не ценишь ты боле и каждый жизненный миг,
И совесть твоя начинает глухо молчать.

А когда из себя попытаешься что-то слепить,
Провалишься в сущий нервозный ад.
Чем больше пытаешься выделиться из толпы,
Тем сильнее она засасывает тебя назад.

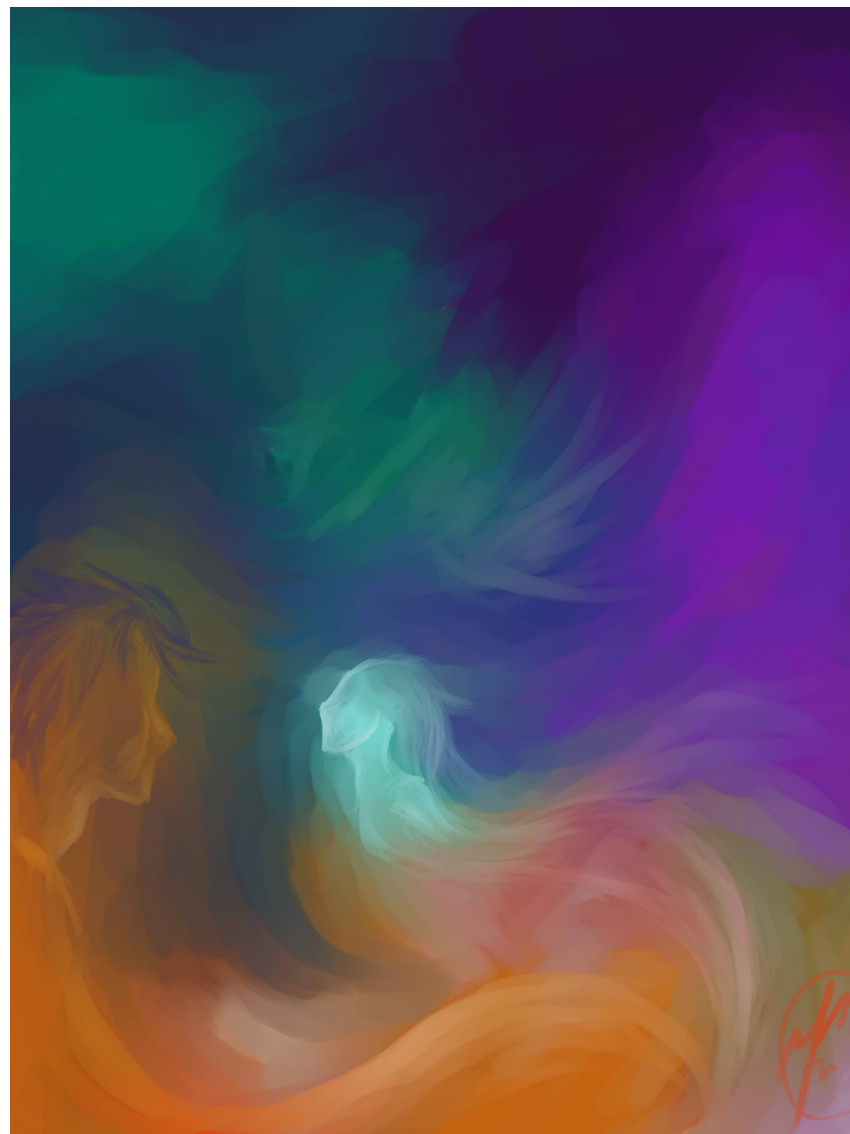

* * *

У пепельно-серого неба один секрет –
Как получать молочные облака,
Как сделать так, чтобы солнце дарило свет,
По небу чтоб текла божественная река.

Пыльных дорог расплетая клубок,
Будет от бешеной скорости сохнуть душа.
Но если небо льет на нас свой голубой,
Значит, есть еще чем дышать.
Ритм городов, что рожденный машинами,
В схватке последней повержен, затих.
Все, что осталось – осколки души нам и
Вера, что небо не бросит своих.

Буря и дождь вернутся еще не раз.
Но за окном как бы ветер на нас не рычал,
Искренне верит он, даже пробитый баркас
Носом уткнется в родимый причал.

* * *

Я на все смотрю глазами старых.
Чувствую: когда-нибудь уйду.
Если вижу молодую пару,
Предрекаю слёзы и беду.

Предрекаю голод и разруху.
Думаю – грядет умов распад.
Будто б стариком или старухой
В этом жил я много лет назад.

Посмотрю в мир детскими глазами
И увижу нового зарю.
Сколько нового еще узнаю?
Сколько я ошибок повторю?

Окружен обычными вещами,
Вижу в них я лишь добро и свет.
В миг рожденья Бог шепнул мне на прощанье:
«Мир стоит на том, что зла в нем нет».

* * *

На талии города туго затянут корсет,
И ветер счесал черепицу с покатых крыш.
На занесенной, непаханой полосе
Сидит разлученный войною с мамой малыш.

Он плачет и плачет, а зиму сменяет весна,
Но дело всей его жизни лишь сострадать.
То делать, что запрещает война,
И то, что так нужно людским стадам.

Он – пастырь, тот самый Иисус-инфант,
Что верит в спасение всех людей.
На шее Земли затянут кровавый бант,
На теле ее людей уже не разглядеть.

Война осин

Давайте представим, что в лесу осин
Осины убивают друг друга просто так.
Почему? Ты у них спроси.
Скажут: «На осине распяли Христа.»

Ты им: «Лес перестает расти,
Вы скоро лишитесь этих мест.»
– «Мы хотим богоубийце отомстить
И найти ту, из которой крест».

К твоим призывам они глухи,
Им по-людски ближе дух кровавой возни.
Никто не знает, что крест был из ольхи
И давным-давно сгнил.

* * *

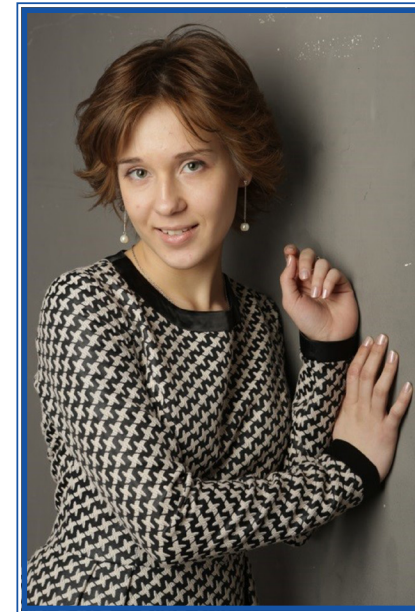
Пушки любят шашлык, поджаренный на ветру.
Пулеметы едят бифштексы средней прожарки.
Если пули из тел людских извлекает хирург,
Грохот прежних побед-поражений пошел насмарку.

Над землею висит кроваво-смолистое марево,
Солнце хилым лучом пробивает пучину несмело.
Всё же тот, кто врагов свинцом отоваривал,
Так не понял, зачем, для кого это делал.

Бесконечна война, но бой всегда скоротечен.
Два врага лежат, прислонившись к стволу березы,
В два ручья кровь течет одинаковая, человечья.
Одинаково горькие матери их льют слезы.

Победители, празднуя, пьют отнюдь не вино,
Это кровь. И война – реальность, не сказка.
Коронуют двоих: одному – лавровый венок,
А другому навечно нацепят пробитую каску.

Виноват, кто не спрятался, но невиновен меткий.
И попытка спасти – лишь отрывистый крик: «Вспышка
слева!»
Алой розой в траве расцветает грудная клетка,
Оттопырив ребро-лепесток, из которого
вышла Ева.

Миронова Ольга
17 лет

*Мне б плясать на листе, обращая бесцветное в цвет,
Мне б меж книжных страниц уместиться,
Чтобы в каждой заблудшей овце
Пробудилась душевная птица.*

Мне бы

Мне бы с солнцем в душе подружиться навек,
Мне бы Богу утрами молиться,
Чтоб бедовой моей, чтобы глупой моей голове
Не казались суровыми лица.

Мне б плясать на листе, обращая бесцветное в цвет,
Мне б меж книжных страниц уместиться,
Чтобы в каждой заблудшей овце
Пробудилась душевная птица.

Мне бы только идти за тобою след в след
И ждать скорой руки пожатье.
Я б себе не простила – мы вместе должны взрослеть
И всегда друг за друга держаться.

* * *

Мне кто-то сказал, что жизнь не имеет смысла,
его каждый должен придумать сам.
Кого-то извечная жажда загрызла,
А кто-то пытается выйти из колеса.
Бежит, удаляясь, как белка в клетке,
пытаясь упущенное наверстать.
Сбивает стук сердца – печально-редкий, –
и снова боязнь не занять места.

А над городом в пляске кружится полночь,
для звёзд раскрывая свой пьяный оскал.
Стремится она светом лунный провал заполнить,
ведь призрак Луны и жизнь никогда не искал.

И если нас кто-то на круг поставил,
не стоит бежать: мы счастье опять спугнём.
Круг ведь всего лишь виток спирали,
так может, и жизнь протекает в нём?

Кошки

Если бы кошки могли говорить,
они бы сказали, как опадают
перья ими не пойманных птиц,
как пламя в зрачках их ресницы коптит,
как ждут по ночам они свежего мая,
как тихо качают лицом фонари.

Если бы кошки умели прощать,
они забывали бы дни пустоты
и незаметно отдаленный хвост.
В их дикой любви – всё волшебство
безлунной бескрайней ночной черноты,
увитой безжалостной лаской плюща.

Ах, если бы кошки умели молчать...
Они бы молчали, как мы не умеем,
ведь кошки добрее, чем мы.

У зверя из шкафа, у маленькой кошки – душа горяча,
но, глядя в глаза ей, послушное время
нас, хрупких, хранит от суровой зимы.

* * *

Мрак упал на мосты, и твой голос остыл
на мгновенье, но вдруг – навсегда?
За годами уходят года,
только листья всё падают вниз.

В гулких улиц глуши свои крики глуши,
и не думай, что свет
колюч.
Напиши! Напиши! на задворках души
отыщи сердца искренний ключ.

Сквозь стихи прозвучат, от обиды крича:
«Я люблю!..» и за счастьем погоня.
Мы ведь знаем, молча: наш далёкий причал
нарисован на карте ладоней.

Руку встретит рука. Нас не будет ругать
всё всегда понимающий ветер.
Наша ноша легка – пронесём сквозь века.
Если вместе – счастливее всех на свете.

* * *

Мне говорят: «Не стоит
Вкладывать жизнь в каждый звук и в каждое слово».
Даже если она, как погремушка – яйцо пустое,
Не смогу без души
выродить и самого простого.

Строчка одна на свете есть,
Она – и конец начала, и начало конца.
Пусть на могильном моём житие
Дети напишут:
«Умерла от стихотворного в сердце свинца».

Сколько в стране подобных писак,
Которые душой на бумагу текут?
А если весь океан с листа
Вытечет –
суша отыщется на облачном берегу,
Не найдётся ближе.

Если не стоит всю жизнь вкладывать,
То куда,
по-вашему,
денутся солнечные города,
Откуда нам радужные клады брать?
Такие стихи лучше убить
или же сразу
за бесценок продать.

Я – лишь спичка
в слаженном хоре свечей,
Трепыханием крыл души лечащих.
Ну а если не спичкин – то голос чей
Поддержит речь свечей больших?

А их песнь,
как весеннее солнце,
сердце замёрзшее псом облизнет.

* * *

Если в белое снега вгрызлась земля,
если силой звучат голоса птиц,
почему чёрные ветви трескаются и болят,
почему тёплый дух восходящий небо коптит?

Вижу: с шорохом катится жёлтый лист,
по луже раскинулась проседь.
Сердце сжалось, Душа просит: «Молись!..»

Почему мои вёсны так похожи на осень?

* * *

Впервые в первый класс. И радостно, без горя,
дождём смывает листья, где спрятан наш секрет.
А сердце потихоньку, звонку, как эхо, вторя,
рисует на заборе
беспечных дней портрет.

Линейку прочертили ботинок острым носом,
и облако из бантов легло поверх голов.
Мы тувельки стальные за годы в пыль износим,
пусть дождик чертит косо
дорожку из колов!

Впервые в бой идём за знания светилом,
идём, не зная, как, что делать и куда.
Мы встали на крыло проверить перьев силы,
ведь душу нам томило
незнание сильнее, чем взмах и свист кнута.

...И снова в первый класс. Слегка дрожит рука,
сжимая шар за хвост.
Теперь две единички нам надо обстругать.
Хоть жизнь чуть-чуть строга,
из взрослого мирка протянет спину мост.

И тихий бедный Ёорик звенит почти прощально,
хоть свидимся не раз.
Нам вспомнится однажды, как звонко мы пищали,
отступят все печали,
как будто зазвучал им
ваш добрый, но серьёзный, для нас, детей, наказ.

Кони (Детское)

Бегут по небу кони
в голубые дали,
только хвост мы и видали
в их за солнышком погоне.

Расступаются пред ними
кроны всех деревьев,
как чудные звери;
радость лошадей им головы поднимет.

Коням не страшны тревоги:
тьма их не пугает,
тьма их не хватает
грязными руками
за копыта и за ноги.

Кони рвутся за рассветом -
розовые шали
под копытами ветшали;
мы же не рассердимся за это.

Кони ржаньем возвещали,
что пришли потоки,
что завесой тонкой
дождь отмоев все печали.

Все скакали наравне,
мир преображая,
влагой насыщая;
Кони убежали
к серебристой лошади-Луне

Если (Детское)

Если любишь человека,
то не важно, что калека,
или трудится полвека
над идеей над одной.

Если сердце твоё бьётся,
как в буран у мореходца,
распахни его воротца,
как для солнышка весной.

Если вдруг тебе не спится,
под лопаткой колет спицей,
то мечта о круглолицей
забежала на покой.

Милый, добрый человечек,
тебя слёзы не калечат,
потому что Чувство лечит.
Это значит: ты живой.

Иду

В задёрнутые шторы больничной палаты
ударяет рассвет.
Рефлекс – кутаться в закоростенелые латы,
слетая с дороги в кювет.

Разве так всё было? С чего началось?
Кто кого полюбил,
кому швы наложить на чело?
И хватит ворон в поле бить!

По глазам бьёт беспощадно картечь,
распахнулись ресницы в бреду.
Сквозь зрачки самое главное может утечь,
но ты не волнуйся: я к тебе
через минное поле иду.

Звёзды (Детям о детях)

Каждый вечер на закате
Небо плачет, засыпая:
человек под ним потратил
день из солнечного мая.
Небу очень, очень жалко,
что малютка-человечек
любит Солнца зажигалку,
но, как время, он не вечен.
Хоть мечты его летают,
с свистом воздух рассекая,
журавлей кричащих стаю
не создаст их мастерская.

Небу жалко, что на свете
лишь на нём сияют Звёзды.
Небу сверху не заметно,
что в причёске свиты гнёзда:
Люди маленького роста
быстро Звёзды приручили,
ведь Звезде совсем не просто
быть одной в ночной пучине.

Люди маленького роста
Звёзды счастьем научили.

* * *

Сквозь мозаику кварталов и улиц
шёл чужак, погрузившись в мечты.
Шёл чужак, не видя, что осень
наступает на пятки ему.

И свистели озябшие пули,
за рукав задевая почти.
Он не видел, что золото косит
часовых в изумрудном плену.

Шёл чужак, ощущая лишь ветер,
что примчался из дальних краёв
для того лишь, чтоб юноша этот
не заметил предзимних оков.

И казалось, что солнышко светит,
чтоб сказать ему: «Ну-ка, споём!»
Чтобы стал наконец-то поэтом
этот Чудный из чужаков.

* * *

Зимой так хочется неба, тепла и солнца...
Чтобы ветер причёсывал гриву степного барашка,
чтобы сосны от счастья вздыхали тяжело,
но в школе вдальбливают про какой-то стронций...

Забыть бы пургу, и мороз, и холод,
Вдохнуть полной грудью сквозь прутья шарфа и шапки,
и вдруг, сжимая восторг в охапке,
заметить рядом того, кто так же зимой исколот.

И вот вы вдвоём. На сердце кричишь: «Потише!»
и моришь его тоской. А сердце на всё плюёт.
Кто раз побывал в небе – тому вся жизнь – полёт!
А небо
так близко
в другом человеке дышит.

* * *

Над головой раскинут платочек из счастья,
пронизанный точками птиц.
Солнце на горизонте пламенем уж коптит,
а надо до темноты за тысячу миль домчаться.
Мимо несутся макушки пахучих трав,
дети цветов летят на попутном ветре.
Сердце давно просило его проветрить,
с самого раннего, вышедшего из темноты утра.
Успеть бы, успеть – там, за горами где-то,
то, для чего только и стоит жить,
то, что смазало чёрствые мира коржи,
то, отчего крутится вся планета.
Рытвина, кочка – упал
в пахнувший солнцем стог,
вновь, как в детстве, совсем-присовсем простой.

Упал и проснулся, и понял, что вновь пропал,
что вынужден снова в пакетиках сны скупать.

Возвращение

Никому не будет горе
в плошку длинным черпаком,
ветру потихоньку вторя,
разливать весна кругом.

Загорелись было ночи
цветом яблони. Иском
бывал тот лётчик,
хоть и многим был знаком.

Кошка дремлет на пороге, –
возвратился он не в срок -
лезет ластиться под ноги,
да едва ли выйдет прок.

Тихо скрипнет половица,
тишины разбив засов.
Ей давно уже не спится,
вышла полночь из пазов.

Почему так пахнет ветер,
разорвавший душный зной?
Пусть он только ей ответит,
что любимый за стеной...

* * *

Топните? Крикните? На стылую вьюгу
не действуют ваши потуги!
Где-то зябнет и стынет лето,
в ледяную шубу кутаясь.

Люди тепло своё берегут.
А я – жар свой бросаю наружу.
Берите!
Хватайте!
Ну же, ну же!
Не слышат. Линзы в глазах каменные, каменные сердца.
Надо ли им созерцать то, как рождается Солнце?

На каждом ботинке – печать.
Чеканьте, чеканьте свой шаг!
Им и не надо кричать:
в сейфе хранится душа,
обменянная на спички.

Бабочки тонкий напев
слышен едва ли, но, Боже,
как не услышать, успев
в вагон последней
летающей на свет электрички?
Не слышат. Тоже.

Сазонова Александра
17 лет

*Я, наверно, не зря проживу
В нашем белом с оттенками свете,
Если доброй душе я смогу
Помочь вновь зашагать по планете.*

О русско-итальянской войне

Окопы к окопам врагов через поле.
Всем голодно, страшно, туманно,
И губит их сердце тяжелая доля.
И мысли их вертятся странно.
Вдруг липкие взоры дозорных впились
В движения заячьих лап.
Два выстрела с разных сторон раздались,
Как дружный и слаженный залп.
Две пули скосились дружно на снег.
И звуки покинули поле.
Лишь только хрустящий крадущийся бег
Двух воинов слышен, не боле.
Из каждого рва по бойцу молодому
Бежит: итальянец и русский,
И каждый оторван от дома родного,
Провал между ними столь узкий!
Окопы к окопам... Меж ними треть поля,
Им голодно, страшно, тоскливо.
Их души терзала в агонии воля.
Рой мыслей в умах суетливо
Метался:
– Беги! Схоронись!
– Comestapapa¹?
– Как там мама?
– Tranquillo²!
– Очнись и борись!
Срастется ль со временем рана...
Забудь же про руку! Сапог прохудился...
– Unoltralalepre³...
– Ну, заяц-то мой!
На нашей границе. Схвачу – и домой.
Так каждый резвился, задорился, злился.

1. Как там папа? (ит.)

2. Спокойно! (ит.)

3. Вперед за зайцем... (ит.)

Навстречу друг другу бегут и смеются.
Встают, поднимаются, к зайцу бегут.
И цели желанной все ждут – не дождутся,
И вместе противника выстрела ждут.
И в шаге от зайца вдруг остановились:
Два выстрела воздух порвали.
Холодными взглядами в небо вцепились
И миг близ друг друга упали.
И льется на лед, как больная, в бреду,
Кровь русского и итальянца.
И белая шкурка лежит на снегу
Ни в чем неповинного зайца.

Скачков Максим
18 лет

*Везет тем редким пилигримам,
Что в жизни истину нашли,
Везет, что не были светилом,
Но и в тупик не забрели*

* * *

Ты очень давно выбрал путь созидания,
Живешь сотни лет, видя боль и страдания,
На мир разозлился, людей истребляешь,
Старух и детей в пекло жизни бросаешь.

И кто ты теперь? По-прежнему Бог?
Наш Бог уже умер, убит был тобой!
Зачем заходить в златокупольный храм?
Ведь нам не найти уже Господа там.

Вспомни же, Боже, когда ты впервые
Взглянул на людей и сказал про себя:
«Хочу, чтобы вы любили, живые,
И жили отныне, друг друга любя».

Не плачь, перестань, пока ты бессилен.
Творение твое всегда будет страдать.
И помни, что если тебя попросили,
Еще раз им жизнь свою надо отдать.

Единственный, кто абсолютно свободен.
Ты можешь наказывать, можешь спасать.
Мы все в конце жизни куда-то уходим.
Скорее всего к тебе, в небеса.

* * *

И нужно ли писать о вечном,
Чернила тратя вновь и вновь?
Ответ уходит в бесконечность,
И в жилах не вскипает кровь.

Но снова мы перо хватаем,
Садимся на пол иль на стул.
И пишем с гулким постным лаем.
Ручей течет меж склонов скул.

А бог посмотрит тусклым взором,
Опустит нос свой и споет
Про вечность с ангелами хором,
Что ищут лишь души полет.

Везет тем редким пилигримам,
Что в жизни истину нашли,
Везет что не были светилом,
Но и в тупик не забрели.

Тычинская Елена
17 лет

*Эту песню мне голос розовый
Нашептал; и я вторю ему:
Тополь чёрный с белой берёзой
К моему наклонились окну.*

* * *

Сбрось гнилую пижаму с обугленных плеч,
Надевай сапоги, что пропахли дождями и потом,
Уходи от коптящих слезами огней и свеч,
Желтозубых часов прогоняя ропот.

Как заждался тебя у причала наивный Норд-Вест,
Как доверчиво тянут лучи вскипячённые луны!
И ветра, расцветая, рисуют искрящий крест,
И трепещет волна, и ласкает узор валунный.

Воздух здесь напитался не гнилью, а солью,
Здесь мечты скреплены не корнями, а бурей.
Люди живы войной и дождём, а больны – любовью,
Светом, ветром, легендами, сладостным морем.

* * *

Когда ночь стыдливо прячет звезды,
ты опять зажжешь свою лампаду,
чтобы свет едва коптил и рос дым.
Шепчут тени на стенах баллады...

Когда мрамором подернется луна,
я спою ей о забытом солнце.
Ты в моих тенях навек, о юный маг,
пока пламя под ладонью бьется.

Скоро вновь настанет бледный день,
и чернила наши стыннут на листах.
Береги мою застенчивую тень
и слова о древних звездах на устах.

* * *

“Тепло ли тебе, девица?”
Не жжет ли пальцы снег?
Не чувствуешь, как клеятся
Ресницы к сводам век?

“Тепло ли тебе, красная?”
Не колет кровью щек?
Не жжется пламень радостный,
И не согнуть плечо.

А утром солнце сжалится
И разожжет камин.
И будешь ты, красавица,
Всю вечность греться им.

* * *

Мое плечо не трогай – больно,
И рано крови не тревожь.
Дай солнцем напитаться вволю.
Я знаю, что ты вечно ждешь,
Так подожди еще немного.
Ту рану мне оставил сокол,
Что пел и бил нежнее рока,
Боялся темноты, как Бога,
И прятал песни от людей.
Он так скрипуче клекотал
При всех, но оттого нежней
Наедине мой слух ласкал.
За плечи он держался цепко,
Вспорхнул – и закричала боль.
Как сидр волнующий и крепкий –
Как яд, проникший исподволь.
Гляди – еще порезы влажны,

Кривится от касаний бровь.
Еще не сбит стрелой отважный
Певец по имени Любовь.

* * *

Взвейся вихрями, стая ворон!
За прозрачными стеклами век,
Как непойманный ласковый сон,
Он вскружился и гарью померк.

Разлетелись в испуге страницы,
У ворон растут белые перья.
В смертном страхе хотел надломиться –
Ему грезились колья и стрелы.

Он впускал голоса из пространства,
И шептал стихи всем – но не мне,
Он песком ускользал между пальцев
На есенинском светлом коне.

* * *

Он искал горизонт, тот манил его зыбкой чертой,
непостижно далёкой и такой невозможно родной,
на которую с детства привык по утрам смотреть
и не ждать, что оттуда взглянут на тебя в ответ.
Он истёр сто сапог, утопил двадцать семь кораблей,
а черта всё манила тихонько пройти по ней.
Обещала открыть все завесы великой тайны,
что мучительно-вечны или совсем случайны.

Он не помнит, где встретил её: может, в городе или в поле.
Та болтала часы напролёт, он слушал её поневоле,
Слушал старые сказки и глупые девичьи страхи,

и так много узнал, что на всё и не хватит бумаги,
только понял совсем немного из бойких её речей
про русалок, прогулки, про небо и добрых людей.
Что нашёлся его невозможно родной горизонт,
вот он, трёт усталые ноги и звонко поёт.

Он уперся в прозрачное небо неуклюжею рыжей свечой.
«Пой, пожалуйста, громче, пой мне ещё и ещё!»
Он прижался к стене, чтобы все не спалить дотла,
Пробежал по стерне с молодой луной в руках
и подставил ладонь слезам той, что грустит в облаках.
Он лежал на траве, а по небу река текла.

Дева в белом к щекам его тянет ладони
и усталую голову хочет согреть на груди,
но она позабыла, что часто бывает холодной,
что никто не услышит глухое ее “Приди!”,
что дрожит каждый раз: может, болен, погиб, пропал? –
не она, а пугливое пламя свечи.
Он мечтает, вон голову к небу задрал
и губами шевелит, все просит его: “Не молчи”.

Он размазан по солнцу слезами на лицах,
ветер с моря – он так же солен и свеж.
Улыбается, словно Гагарин когда-то птицам.
Знай его. Его честью, как бритвой, режь!

* * *

Она вся будто соткана из звонких согласных. Ее голос
то дребезжит от гнева, то разливается миллионом медных
колоколов. Там, где она, не замолкает гомон.

Ее зовут Линда, и она суфлер. Такая вот тихая и глу-
хая профессия для такой звучной и переливчатой женщи-
ны. Линда сидит в будке и, сжимая губы, чтобы не выдать

себя слишком громким голосом, подсказывает актерам их реплики.

Линда ненавидит суфле и сухофрукты, и двое ее детей вечно едят жаркое, зразы да свежую зелень. По утрам ее губы изгибаются изумленно, будто неожиданным для нее был жизнерадостный перезвон будильника. Она одевается в брюки и развевающиеся блузы, ее ботильоны цокают звонко и весело по золотистому деревянному полу.

Сегодня она затягивает ремень ту же обычного и бежит, опаздывает, тревожится. За спиной у нее банджо, а в животе ледяной комок. Сегодня она музицирует на публику.

Она выбегает к зрителям быстрее нужного, и ее банджо звенит, вызванивает и перезвякивается звонче самых залиvistых колокольчиков, но еще громче, радостней, звучит ее живой, нежный, упрямый и развеселый голос.

Голоси, Линда-суфлер, мы слышим.

* * *

Электрические фонари зажигались, заслоняя своим светом слабо мерцающую луну. Та была похожа на маслянистый отпечаток чьего-то пальца, и жир сочился с её лучей, заливая город.

Быстрый взгляд из-под опущенных полей. Как же шла ей эта новомодная шляпка, у которой обрезанные поля будто являют собой продолжение тульи, изящно облекая маленькую овальную голову с прилизанными чёрными волосами и впалыми щеками. Прямая узкая юбка была похожа на один сплошной мазок плакатной кистью, перекликаясь с чёрными, густыми, резкими, словно нарисованными тушью фонарными столбами. Будто попал в историю в картинках, какие печатают в воскресных газетах.

Услышав это, она вынула изо рта длинный мундштук и хрипло расхохоталась. Её голова странно запрокинулась набок, сверкнули идеально ровные, но уже тронутые кофе и табаком зубки, желтоватые, как вот эта луна. Забавно – пять

минут назад я пригласил её потанцевать под дребезжащее фортепьяно. Мы даже не знаем имён друг друга, но она уже пьёт со мной виски со льдом и смеётся над моими шутками.

— Ты любишь старые дома? – резко выпрямилась она и поправила съехавшую шляпку.

— Зачем ты спрашиваешь? – в самом деле, это было первое, что я от неё услышал за наше короткое знакомство.

— Любишь? – нетерпеливо повторила она.

— Немного...

— Пойдём.

Легка на подъём, подумал я, когда она судорожно вцепилась в мой локоть: «Скорей, скорей». Фонари перемигиваются колючими огнями. Грохочут экипажи. Кто-то гортанно перекрикивается, резко хохочет женщина.

— Вот здесь.

Дом выглядел заброшенным. Забор покосился, окна тускло щерились, двор зарос бурьяном, но внутри оказалось неожиданно чисто и даже уютно. Она поднималась наверх, увлекая меня за собой и покачиваясь, как веточка на ветру.

— Это твой дом?

— Был моим, пока не отняли, – буднично ответила она. Хотели снести, но так и не собрались. Я изредка захожу сюда, когда от съёмной комнатухи совсем тошнит.

Она вздохнула и посмотрела в окно, на злые улицы, залитые маслянистыми лужами.

— Я ведь раньше была скрипачкой. А теперь подрабатываю где придётся, свожу концы с концами... а иногда иду в бар и ищу, кто угостит, чтобы напиться до зелёных чертей.

Она прошла в угол и достала чёрный пыльный чехол – скрипка, догадался я. Она провела по ней пальцами, думая о чём-то своём, но вдруг спохватилась.

— Ты прости, что привела тебя сюда. Я давно никому не играла... просто так.

— Ничего.

В следующую секунду по моей спине пробежали холодные липкие мурашки. Я рассчитывал получить от этой женщины удовольствие, но получил куда больше. Лязг, скре-

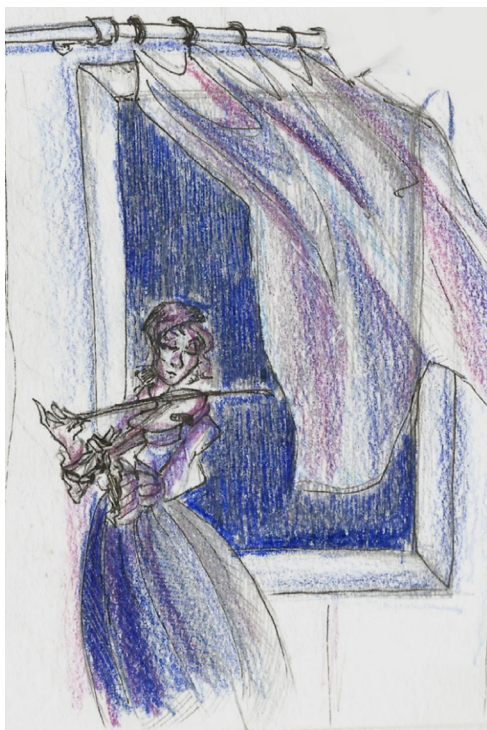
жет, грохот, хрип, вопли... когда последний раз я слышал такие чистые звуки, как сейчас? Скрипка была вкрадчивой, тоскливой, как озеро за городом, таящее в себе память обо всех ужасах, творившихся здесь за всю его историю. Мне вдруг показалось, что смычок скользит не по струнам, а по моему горлу.

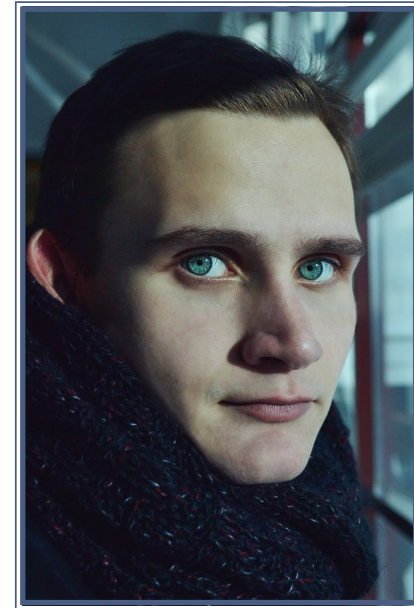
— Принеси ещё виски, – попросила она. – Тут недалеко.

Пока я шёл по грязной улице, перед моими глазами стояли её надломанные пальцы, бегающие по грифу. Она совсем хрупкая, надави – и сломается. И надо бы спросить имя, а то некрасиво получается...

...её голова была запрокинута набок, а верхняя губа вздёрнулась, обнажив ровные, но желтеющие зубы в тоскливо-ироничной ухмылке. Что-то странное в ней было, и я не сразу понял, что она покачивается в десятке сантиметров над полом. Сломанная и тонкая.

Пахло спиртом, табаком и тоской. Игла граммофона, запущенного ей, поскрипывала о пластинку. Мерзко. Дребезжаще. А луна всё скалилась с неба жёлтой улыбкой мертвеца, смешивая свой свет с огнями фонарей.

Романенко Степан
20 лет

*Крошечная птичка
бесится в груди.
На листе тетрадном
шаром покати.*

* * *

Качели. Заливистый звон цепей,
В затылок летящий с размаху звон.
Ударило! Плач или крик детей,
Взвивающийся к самой выси крон.

Надежда. И в губы уткнулся клюв.
И я побежал, чтобы спрятать взгляд,
И пылкое детское «я люблю»,
Что нас проберёт с головы до пят.

На крыше идущий спиной вперёд
Скамейку волок, чтобы лечь на свет.
Короткий с небес до земли полёт,
Едва не прервавший воздушность лет.

Объятый и робкий сидел в траве,
Где песня, в которой слова «гореть»...
Всё это – моменты, когда живей
И ближе к тому, что назвали «смерть».

Целую. Давай мы не будем лгать?
Погоня. Прощание в сто минут.
И жёлтая куртка, и снова вспять
Любовь или близость нас повернут.

Целую. И чёрных волос вода
Журчит и волнуется под рукой.
Целую. За это любой страдал
И падал, и падал вниз головой.

Автобус. Плечо, что схватил другой
И спас от удара в железный бок,
Сбежал через миг от меня Святой,
На поздний момент меня приберёт.

Сегодня весна. Воскресенье верб,
Безделие, счастье и нищета,
Ладони, которое тронул Феб,
И солнечный свет, что душой впитал.

* * *

Скоро елка маленькая встанет,
Будто бы виновница, в углу.
Из мешка тяжелого достанет
Мама шар, повесит на иглу.

А наверх осколок-наконечник
Водрузит короткая рука.
И обнимет Новый Год за плечи.
Зазвенят подарки в кошельках.

А канал впервые этот за год
О хорошем скажет, не плохом.
И никто не вспомнит груза тягот,
И никто не вспомнит о лихом.

Все на день, на вечер будет в радость.
Вся семья усядется за стол.
Жаль, что так нечаста эта сладость,
Да и та за рюмками по сто.

* * *

Я с каждым днем, в сраженье проведенным,
Я с каждым годом, прожитым за так,
К победе незначительно приближусь,
Но, словно флаг, что увенчал Рейхстаг,

Я буду волноваться в поднебесье.
Я буду фотокарточкой. Меня
Восславят в фильме, пьесе или песне
Дрожащей тенью, павшей от огня.

Могила неизвестного поэта
Бурьяном да камнями порастёт.
Но я запомню час, когда под небом
Я ветром был и дымом распростерт.

* * *

Да, Январь. Я живой, если вкратце.
Рождество наступило недавно.
И я, как Достоевский на плаце,
Поминаю в забвении плавном

Все из прошлого: скоро двенадцать,
Я песчинка, малютка, пылинка,
Еду я по велению пальца
В лагерь тех, кто любил Метерлинка.

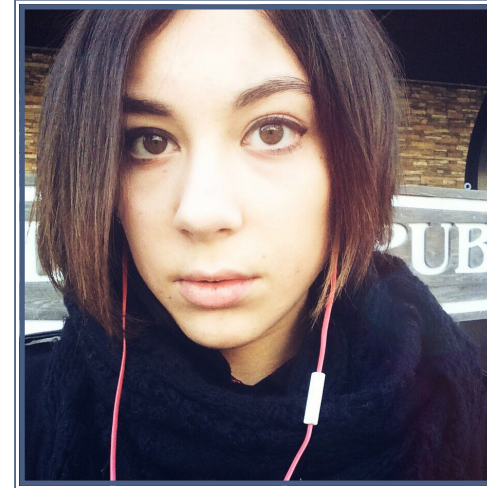
Я не знаю, что делаю тут и
Сам не верю, что это – Россия.
И среди беспокойства и смуты
Имя слышится – Анастасия.

Пока ехали, шапку смешную
Заприметил, любясь пространно.
...В белом платье кружила: решу я
Пригласить танцевать... И не стану.

В хороводе за варежку взявшись,
Я познаю мгновение счастья.
А потом, одиноким оставшись,
Прошепчу неожиданно: «Настя...».

А потом, вновь отвергнутый этой
Темновласой владычицей сердца,
Неожиданно стану поэтом.
Неожиданно кончится детство.

Я стою – Достоевский на плаце -
Кто-то сулит мне каторгу, вроде...
Я же чувствую все еще пальцы,
Что схватил я тогда в хороводе...

Константинова Мария

22 года

*Стало тихо, ты еле дышишь,
Разорвался в груди снаряд.
Никогда не сдавайся, слышишь?
За окошком горит заря.*

*Собери по частям все силы!
Из лопаток достань ножи.
Посмотри на рассвет. Красиво?
Ради этого стоит жить.*

* * *

Души твоей коснулся полумрак.
Она давно не пела, не кричала –
Молчала без конца и без начала.
А я над нею трясся, как дурак.

А я сидел над нею, не дыша.
Пытался докричаться, дозвониться.
Твоя любовь – мгновенная зарница,
Которая не стоит ни гроша.

Но я старался, верил и сносил,
А ты меняла койки, ноты, лица.
И так порой хотелось застрелиться,
Поскольку я люблю тебя без сил.

Без вкусных фраз, без форса и без глянца.
Огонь внутри не знает громких слов.
Но так порой охота потеряться,
В пучине волн и глыбах городов.

* * *

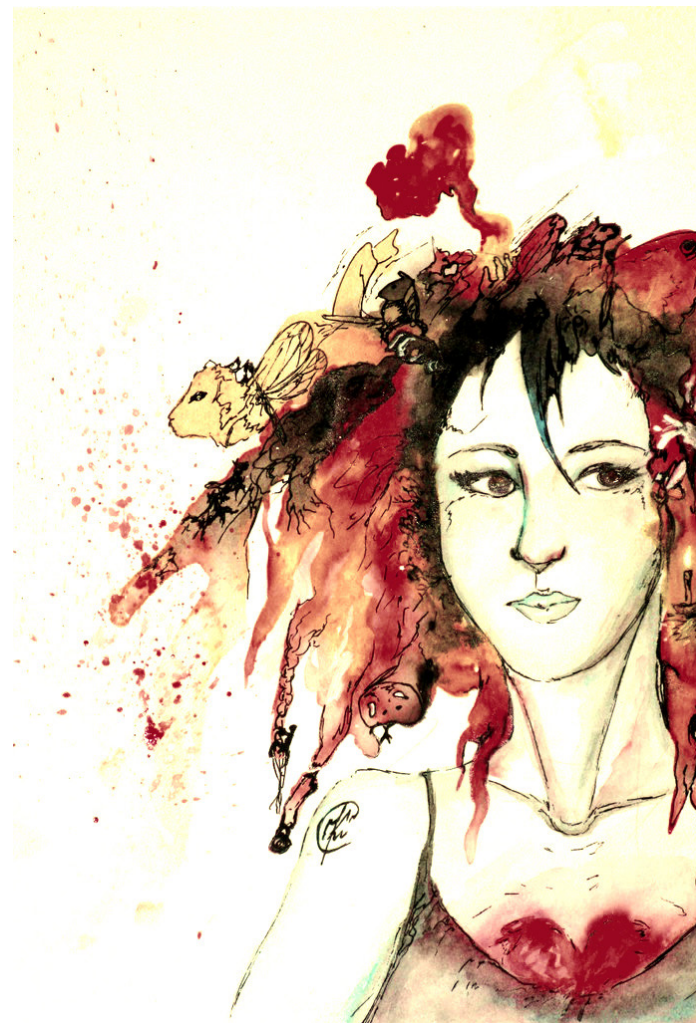
Папочка, папа. В городе снег и слякоть.
В городе стало пусто, как после взрыва.
В дочке твоей проснулась большая сила,
что не дает сорваться, орать и плакать.

Папочка, милый, дочь не собьется с курса.
Алой зарей болтается шарф на шее.
Жизнь, издеваясь, роет для нас траншеи,
чтоб не теряли веры и жизни вкуса.

Папа, характер дочки – что куст терновый.
Как ты учил – противник вранья и лести.

Мы постоянно в курсе дурных известий,
но не бываем экстренно к ним готовы.

Папа, родной, сегодня мой голос смел.
Станет еще смелее без всяких «либо».
Пап, я стою на коленях, за все спасибо.
Я отвоюю счастье, как ты хотел.

* * *

Те, кого я любила – оказывались не те.
Я смешно выражаюсь, возможно и вздор плету.
Но кормила их с рук и падала в пустоту,
а потом оставалась распятая на кресте

Моих выжженных чувств, разбитых в пути коленок,
недосказанных слов, которые в поле свищут.
Их никто не найдет. Их даже никто не ищет,
инфантильных, тупых и отданных за бесценок.

Те, кого я любила – не знали моей печали.
Не встречали меня с заплаканными глазами.
Обнимали слегка и с хохотом отрезали
два нелепых крыла, таившихся за плечами.

Я писала стихи, в которых про них так много
было сказано фраз и образ построен четко.
Вырывали листы и били на них чечетку,
удивлялись, кривясь, читали в глазах тревогу.

– Ну чего, малышок? Опять написала ересь
про любовь и мечту, и прочую халобуду?
Не смотри на меня! Я это читать не буду.
Эти штучки твои, родная, давно приелись.

Я смотрела на них. Листы улетали вдаль.
– Я обидел опять? Да ладно, кончай грустить.
Не хотелось ни жить, ни плакать, ни отомстить,
только сердце мое, скрипя, облачалось в сталь.

Те, кого я любила, в душе оставляли взрыв.
Уходили к другим, а я оставалась где-то
со стихами в руках, но главное только это –
они будут со мной,
покуда мой разум жив.

* * *

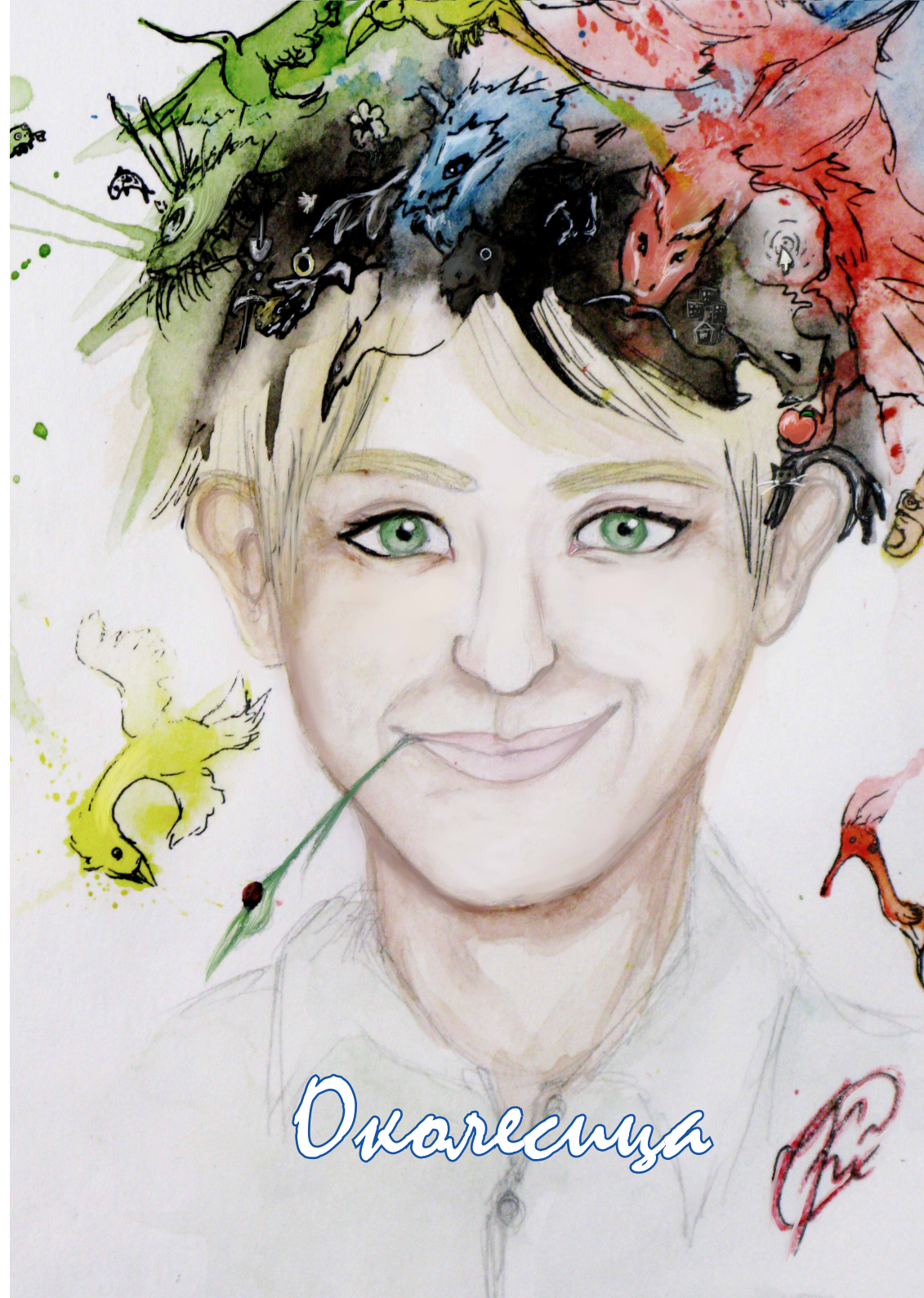
Голос сорвался, затих и замер.
Мысли запутаны, словно МКАД.
Каждый, кто сдал на любовь экзамен,
Тот, получается, видел Ад.

Громко смеялся (пуская манерно),
Слезы свои проливал в стихах.
Кто, оставаясь чужим, но верным,
Только себя обвинял в грехах.

Кто выворачивал другу мякоть
Глупой и странной своей души,
С кем интересно не пить и плакать,
А через боль достигать вершин.

Каждый, кого выжигало пламя,
Кто натянулся до самых жил,
Кто постоянно бывал за гранью –
тот, получается, точно жил!

Охрана

Red signature

Коллективное игровое произведение ПАНТУМ

В малайской народной поэзии ПАНТУМ – импровизированные четверостишия, соединяемые так, чтобы второй и четвертый стихи предыдущей строфы становились рефренами в первом и третьем стихе следующей строфы. Такая форма была усвоена европейской поэзией. В России появляется в серебряном веке. На ЛИТО рифма обязательна, логика желательна.

...О том, что никто не придет назад

Как Егорка летел на Луну,
Иннокентий стремился на Марс,
Но попали в ракету одну,
Потому что Роскосмос – фарс!

Иннокентий стремился на Марс
Ко своей марсианской жене.
Потому что Роскосмос – фарс,
Прилунились они на Луне.

Ко своей марсианской жене...
С парой новых бурятских унт
Иннокентий упал на Луне.
Унты ухнули в лунный грунт.

С парой новых бурятских унт
Обнимался печальный Егор.
Унты ухнули в лунный грунт.
Вдруг послышалось “Иго-го“.

Обнимался печальный Егор,
Изнывал от душевных ран,
Но послышалось “иго-го“,
Из-за гор появился цыган.

Изнывал от душевных ран
Измощенный цыганский конь.
Из-за гор появился цыган,
Иннокентий развел огонь.

Измощенный цыганский конь
Был по сути морским коньком.
Иннокентий развел огонь
И слезинку смахнул тайком.

Был по сути морским коньком
Каждый честный морской конек,
И смахнул слезинку тайком,
Кто не понял этот намек.

Каждый честный морской конек
Ненавидел морских цыган.
Кто не понял этот намек,
Тот обычный цыганский тиран.

Ненавидел морских цыган
Иннокентий уже и Егор.
Кто обычный цыганский тиран,
Тот не любит церковный хор!

Иннокентий уже и Егор
Заиграли тяжелый рок.
Кто не любит цыганский хор,
На того обижается Блок.

Заиграли тяжелый рок,
Продолжается их полет.
На кого обижается Блок,
Тому девушка не поет.

Ацтеки. Кукишев А.
Из цикла «Историк Кукишев»

Аннотация

Когда российская наука бьётся в конвульсиях, на авансцену выходят молодые специалисты.

Выпускник МГУ, Андрей Кукишев – один из таких. Российская история умирает, и он, наследник Карамзина, Соловьёва и Ключевского, восходящее светило науки, должен её реанимировать.

Его статьи глубоко научны, однако пропитаны сленгом и жаргонизмами чуть менее, чем полностью. Выполнит ли Кукишев своё предназначение – спасти Историю?

...На кактусе сидел орёл, держащий змею в клюве. Ацтеки поняли – здесь будет их столица. Самое время заливать за галстук и принести жертву богу, Имякоторогосостоитизкучибукафисовсемневыговаривается (слитно).

С неба упало банджо. Дедок-шаман взял его в руки и начал играть true кантри. Ацтеки пали ниц и начали молиться другому богу, Имякоторогоещёболеесложноечёртподериацтекичтовыделаетеахахапрекратите (слитно).

С неба упала дохлая ворона, дабы показать презрение вышеупомянутого бога.

О Мадонна, почто я так обожаю длинные слова?

Ворона вонзилась в землю глубже скважины на Кольском полуострове и Марианской впадины вместе взятых и в пучок связанных.

Шаман начал колдовать. «Амбуба, буба-амбуба, буба, буба, буба», – ворковал он над дыркой в земле. Ворона вы-

прыгнула с диким криком: «Revenge!» и превратилась в пегую кобылу. Та крикнула: «Goodbye, baby!» и вернулась в дырку.

Очевидно, боги со странными именами не благоволят ацтекам.

Куда идти?

На Юкатан. Там – Теночтилан.

Митин Андрей. Сумасшедшие вопросы

Словарь образков

Авторы:

- Андрюшкевич Алиса
- Березин Вячеслав
- Братухина Дарья
- Власова Полина
- Иващенко Дарья
- Карпенко Олеся
- Маняхин Петр
- Миронова Ольга
- Митин Андрей
- Новикова Анна
- Н.Ю.
- Тычинская Елена
- Сидоров Севастьян
- Старкова Александра
- Фетисов Александр

Абазур – лампочка-парашютист
Апасность – неграмотная предосторожность
Армия – необходимое зло

Бант – перевязанная бесконечность
Бе-бе-бе – последний аргумент
Бездонность – свойство женских сумок
Бесконечность – количество пар обуви, необходимое женщине
Бинокль – дискриминация циклопов
Бузяка – тот, кто дружит с пузьякой
Бусы – пояс микроастероидов

Ваниль – родственница крем-брюле по линии мороженого
Ваниль – перец для сладости
Вафля – печенье в заключении
Вулкан – койка дракона

Галстук – жестокая клевета на Столыпина
Галстук – запасной выход при провале
Галстук – затяжка строгости
Галстук – петля будней на шее клерка

Галстук – сто разных узлов и один результат
Галстук – узел Линча солидных людей

Дело – повелитель времени
Дятел – «д» «ять» ел
Дятел – лесной стучачок

Единица – доска в заборе журнала
Единорог – мечта о волшебстве и правда о козле
Единорог – носорог-романтик

Ёлки-палки – мартовская свалка
Ёлки-палки – сущность российской деревообрабатывающей промышленности

Енот – 2,7 нот
Енот – полосатый полоскун, разгоняющий тоску
Если – то, чего не бывает

Жасмин – чайная принцесса
Женеманжпассижур – брат Шершеляфама и Селяви
Жижжа – горькая правда о столовском борще

Зевать – ловить ртом идеи

Индейка – ошибка индейцев и индийцев
Интернет – то есть, то нет

Картон – Взял Антон в ладонь картон – будет есть готовить он
Краб – в коробе краб ест люля-кебаб
Краб – крабы крабились с крабами, перекрабясь коробами
Краб – ломающее систему ПДД существо

Ложка – ложная «ю»
Ложка – маленькая ложь

Мята – мята! Крапива помята!

Мята – душистый холод в горячем чае

Нервы – расставленная паутина мозга

Оптика – аптека для очкариков

Перец – карающая приправа

Перец – пряная ярость

Перец – родинки супа

Перец – то, что превращает в дракона

Прожектор – глаз крана

Прожектор – машина ослепления

Прожектор – подарок для Пэрис Хилтон от русского телевидения

Рафинад – сахар в третьей степени

Рожь – афропшеница.

Рожь – Жил на свете маленький рож. У него было много братьев. Они жили в людях, но люди ими только обзывались. И он решил от них уйти. И они до сих пор вынашивают план, но некоторые рожи уже на свободе. Дорогие граждане! Берегите себя!

Рожь – картавая ложь.

Сахар – кубический покоритель детей

Сахар – лошадиное золото

Сахар – свет в хмурый обед

Сахар – сладкий снег

Сахар – харизматичный близнец соли

Тикаль – город, который утёк

Труба – пространство для вылета

Тупик – пик тупизма

Убористый – живущий у бора

Упёртость – вежливая наглость

Фу – рабоче-крестьянское «фи»

Химера – уровень смеха

Хоп-хэй лалалей без причины – призрак дурачины

Цыганочка – «Где мой конь?! – А что ты на меня смотришь, яхонтовый? Утанцевал твой конь...»

Царапина – кошачий автограф

Чёрт – !@/#*

Чёрт – невезучее существо, на которое плюют через левое плечо

Шляпа – удав, съевший слона

Щука – секретная исполнительница желаний.

Щука – «Я прищучу тех, кто забудет про правило на чу-щу!» – решил Бог и создал щуку

Щука – зубастый цветик-семицветик

Щука – секретная исполнительница желаний

Эмка, элька, икс-икс-элька – размеры серьезных людей
Эпистолярный – не знаю, что это, но звучит круто.

Юрта – человеческая улитка

Я – последняя буква словаря

Оглавление

Предисловие.....	3
Дебют.....	5
Вместо предисловия.....	6
Облака и фиалки.....	6
Березин Вячеслав.....	7
Колобок в чужой сказке.....	8
Карпенко Олеся.....	9
Приход ночи.....	10
Сколько лет.....	10
Новикова Анна.....	11
Природа.....	12
Зима жизни.....	12
Нет в людях золотой середины.....	12
Новоселова Ульяна.....	15
На что деревья зимой жалуются.....	16
Сказка.....	16
Тульская Дарья.....	19
Село пробуждается.....	20
Амплуа.....	21
Вместо предисловия.....	22
Что легким бумажным корабликам снится.....	22
Андрюшкевич Алиса.....	23
Допустим, нет разлитого чая.....	24
Ложка и зеркало.....	24
Клоун.....	25
Звезда и Пыль.....	25
У нее есть мечты глоток.....	26
Братухина Дарья.....	27
Об Украине.....	27
Власова Полина.....	29
Дождь. Гром. Потолок.....	30
Ведьма.....	30
Краски.....	31
Я до жути спать хочу.....	31
Мне больно всем об этом говорить.....	32
Я смотрю куда-то вдаль.....	32
Иващенко Дарья.....	33
Лука просторны, пахнут цветом.....	34
Царь стоит у окна.....	34

Я хочу написать.....	36
Патологическая нехватка.....	37
Лицом к окну, с чашкой кофе.....	38
Локтина Наталья.....	39
Раймонд Рассел.....	40
Глава седьмая. Поиски.....	40
Глава восьмая. Погоня.....	41
Глава десятая. План.....	42
Митин Андрей.....	45
Антивоенное.....	46
Вереск.....	47
Эмили.....	48
Папин Федор.....	51
Рождественский рассказ.....	52
Сидоров Севастьян.....	55
Темнота.....	56
Череда облаков.....	56
Пелена.....	57
Фетисов Александр.....	59
Импульс.....	61
Колесо.....	62
Тень.....	62
Я учился и солнцем делиться.....	62
Много большее может тень.....	62
Когда ты почувствуешь, что ты один.....	62
Только не выключайте свет! А то исчезну.....	63
Буриме на рифмы Н. Заболоцкого.....	64
Для чего же простерт в небесах.....	64
Сеткой накрыты вершины зданий.....	64
Сумасшедшие вопросы.....	65
Про портрет, домовых и кота Кабанчика.....	65
Портрет был чёрно-белый.....	68
На руках у меня.....	69
Если долго на мир смотреть.....	71
Здесь были мы.....	73
Вместо предисловия.....	74
Весна из-под снега улыбнется зубами черными.....	74
Маняхин Пётр.....	75
Пыль на ступнях вместо ила.....	76
Мне бы окон побольше раскрыть в себе.....	76
Эпохи ушедшей в ушах до сих пор.....	77
В наших словах тонны воды и руды.....	78

Кладбища заняты парками	79
Сделай так, чтобы в комнате не было лжи	80
Не у каждой звезды есть право упасть	80
Я кручусь, постоянно сбиваясь со счёта	81
Я буду ждать, оставляя на пульсе руку	82
Фотокарточку личности вклеили в общий альбом	82
У пепельно-серого неба один секрет	84
Я на все смотрю глазами старых	86
На талии города туго затянут корсет	86
Война осин	87
Пушки любят шашлык, поджаренный на ветру	87
Миронова Ольга	89
Мне бы	90
Мне кто-то сказал, что жизнь не имеет смысла	90
Кошки	91
Мрак упал на мосты, и твой голос остыл	91
Мне говорят: «Не стоит	92
Если в белое снега вгрызлась земля	93
Впервые в первый класс. И радостно, без горя	94
Кони (Детское)	95
Если (Детское)	97
Иду	97
Звёзды (Детям о детях)	98
Сквозь мозаику кварталов и улиц	99
Зимой так хочется неба, тепла и солнца	99
Над головой раскинут платочек из счастья	100
Возвращение	100
Топните? Крикните? На стылую вьюгу	101
Сазонова Александра	103
О русско-итальянской войне	104
Скачков Максим	107
Ты очень давно выбрал путь созидания	108
И нужно ли писать о вечном	109
Тычинская Елена	111
Сбрось гнилую пижаму с обугленных плеч	112
Когда ночь стыдливо прячет звезды	112
“Тепло ли тебе, девица?”	113
Мое плечо не трогай – больно	113
Взвейся вихрями, стая ворон!	114
Он искал горизонт, тот манил его зыбкой чертой	114
Она вся будто соткана из звонких согласных	115
Электрические фонари зажигались	116

Суаре	119
Романенко Степан	121
Качели. Заливистый звон цепей	122
Скоро елка маленькая встанет	123
Я с каждым днем, в сраженье проведенным	123
Да, Январь. Я живой, если вкратце	124
Константинова Мария	127
Души твоей коснулся полумрак	128
Папочка, папа. В городе снег и слякоть	128
Те, кого я любила – оказывались не те	130
Голос сорвался, затих и замер	131
Околесица	133
Коллективное игровое произведение ПАНТУМ	134
...О том, что никто не придет назад	134
Ацтеки. Кукишев А.	136
Аннотация	136
Словарь образков	138

Художественное издание

«Окно №11»

Альманах гимназии №4 (88)

Авторы:

Березин Вячеслав, Карпенко Олеся, Новикова Анна, Новоселова Ульяна,
Тульская Дарья, Андриюшкевич Алиса, Братухина Дарья, Власова Полина,
Иващенко Дарья, Локтина Наталья, Митин Андрей, Папин Федор,
Сидоров Севастьян, Фетисов Александр, Маняхин Пётр, Миронова Ольга,
Сазонова Александра, Скачков Максим, Тычинская Елена,
Романенко Степан, Константинова Мария

Художники:

Обложка, цветные вклейки – Миронова Ольга (11 класс)
Рисунки – Иващенко Алексей Валерьевич, Миронова Ольга (11 класс),
Тычинская Елена (11 класс)

Редакторы:

Дмитриева Надежда Юрьевна, Маняхин Петр, Миронова Ольга,
Тычинская Елена (11 класс)

Вёрстка: Ховалкин Д. Е.

Подписано в печать 22.03.2014
Формат 60x84 1/8. Уч. – изд. 18,25 п.л.

Бумага офсетная,
тираж 100 экз.

Издательство «Окарина»
Новосибирск, ул. Ядринцевская, 25